

Аркадий Маргулис Виталий Каплан Воскресения Люка Роелса

Нью Йорк

Глава 1. Мания Грёз — Скажите, у вас есть мечта?

Когда неприятности, связанные общей цепью, одна за другой обрушиваются на человека, их невозможно ни задержать, ни остановить. Проще принять, чем трепыхаться подобно сверчку в паутине.

Солнечный свет, нарезанный планками жалюзи, превращал комнату в забубенную декорацию к малобюджетному фильму ужасов. Грустный Слоник, сверкая никелированными штучками, усиливал восприятие, подхлестывая мечты о воскресении.

Чудачка Акла, нещадно располневшая пуэрториканка с яркой примесью индейских кровей, отчаянно возмущалась — сегодня её обуяло нехорошее предчувствие.

Всё началось с месяц назад, когда мне

позвонили из «Fallow Your Dream». В трубке задребезжал трансгендерный голос, не позволявший понять, кто там — мужчина или женщина:

— Мистер Роелс?

— Простите...

— Скажите, Люк, у вас есть мечта?

— Мечта...?

Я задумался. По ту сторону терпеливо ждали. Была ли у меня мечта? Ещё бы, мне двадцать три, пять из них я живу без ног, но с невероятной кучей проблем. Мечта... ух ты, моя мечта... Порой — очень давно, ею удавалось обмануть отчаяние. Американская — какая же ещё — фирма передовых технологий, так о ней заливали вокруг, разрабатывает феноменальное устройство, хирурги ювелирно вживят его в позвоночник. На следующий день пациент, самостоятельно встав, на собственных ногах покинет клинику. Год, какой-то год, займут доработки, и всё станет так любо-дорого, что не смей помирать. С тех пор минуло пять лет, фирма, а заодно с нею десяток таких же, разорились. Передо мною разверзлась омерзительная пропасть, я понял, что надеяться — пустой номер. И надо смириться, вернуться к постылой жизни и создавать в ней своё новое я...

— Вы вообще-то представляете себе, о чём мы мечтаем? — спросил я исполнителя грёз.

— О, тут уж, кто на что горазд. Одна шейница, дамочка-«квад», ну да, квадриплегия, возраст заболевания двадцать лет, она пожелала пластику — ликвидацию морщин, полное омоложение...

— Очнитесь, как вас там! Слышите? Я хочу выйти из дому, сесть в автобус, доехать до университетской библиотеки на Золотом Побережье и пофлиртовать с библиотекарем... если она меня помнит со студенческих времён... И ещё самую малость — завести семью, детей и иметь возможность их обеспечить... Дошло? Понимаете, хочу, чтобы на меня смотрели, как на обычного человека и не воспринимали кубышкой для благотворительной помощи...

— Ради бога, мистер Роелс, уточните, — не впечатлила собеседника моя тирада.

— Что — уточнить?

— У вас есть мечта — нечто, что можно измерить?

— Есть, — вспыхнула во мне ярость, и я выпалил первое, что взбрело в голову, — всегда мечтал повстречаться... с папой...

— Другое дело! Мы как раз специализируемся на подобных мероприятиях. Где нынче обретается ваш отец? Африка? Европа? Дальний Восток? Аляска?

— Бросьте притворяться! Я имел в виду

другого папу — Папу с заглавной буквы... Папу Римского! Понтифика!

— Ах вот в чём дело, вы говорили о Его Святейшестве... Викарии Христа из Ватикана...

— Больше всего меня интересует, кто вы — мужчина или женщина?

— О!!! Это имеет для вас значение?

Вконец рассвирепев, я швырнул трубку и покатил к холодильнику. Акапулька обречённо уткнулась в телевизор. Я забросил в рот таблетку ксанакса, и меня передёрнуло — так раздражало изменение в дизайне упаковки. Запил пилюлю холодным «Будвайзером». Тут то и ожил телефон. Я вздрогнул, пиво попало в дыхательное горло, едва не задохнулся. Акла, почуяв неладное, оказалась рядом, помогла справиться и сразу же вернулась к телеприёмнику.

Прикончив пиво, я посмотрел на телефон — он не унимался — и приложил трубку к уху, всё ещё прочищая горло:

— Алло! Мистер Роелс! Уверен, вы слышите! Вы одолели кашель? Странное слово. В нём что-то демоническое, поверьте старику. Вслушайтесь! Ка-шель, ка-шель, ка-шель...

Я приставил трубку ко лбу. Смысл слова, состоявший в форсированном выдохе через рот, и впрямь пропал. Слово казалось потерянной песчинкой в бездонной пустыне магии.

— Простите, ради Бога, — неопределённое существо прервало свои излияния, почувствовав, что его слышат, — позвольте представиться... Джон Сартер, региональный менеджер «Follow Your Dream». Маленькой частицы могущественной империи! Наверняка, вы слышали о нас. Дежурный глоссатор Корпорации «VIRT-VIA-Z» зафиксировал шанс конкретной мечты именно в тот миг, когда ваше имя выпало в Лотерее Грёз. Если он не напутал, вы мечтаете о свидании с Его Святейшеством Папой Римским?

Вопрос был задан, и я решил ответить:

— Можно сказать, да...

— Вот и славно — поздравляю, заявка одобрена.

— Так быстро? — удивился я.

— Дорогой мистер Роелс! Клянусь, вы встретитесь с Его Святейшеством в Ватикане. Вам назначат время. Пока что готовьтесь. Собирайте всё, что нужно в длительное путешествие. Как говорится, чемоданы пакуйте загодя. В запасе осталось две недели... от силы, три. И мой вам совет — не хворайте. Ариведерче.

В трубке заворковали короткие сигналы.

Странное послевкусие откликнулось в душе — новые пилюли ксанакса пробуждали тягу к алкоголю, и вместе с ней замороченные результаты. Я знал какие — поразительные галлюцинации,

одновременно жуть и кайф, и назвал их «глюки», или попросту «приходы». Ох, как мне было клёво! Даже решил не советоваться с психологом! Боже праведный! Этих приключений хватило бы на книгу! И не одну. Может быть, напишу.

Глава 2. Мания Грёз — Любые просьбы и пожелания

Отложил в сторону Книгу. Все десять заповедей из скрижалей. Боже Праведный, каюсь. Клятва мистера Сантера исполнить мечту разбередила душу. Утроба сладко заныла в ожидании перемен. Что греха таить — калеки реагируют на события во сто крат острее здоровяков. И я подготовился, собрав в конце второй недели ожидания дорожную сумку.

Вулкан эмоций от глубин ада до высот рая бурлил во мне. Я терпеливо ждал известий — пока не выдохся ждать. Галлюцинации — на них списал звонок из «Fallow Your Dream» и тотчас вытравил из памяти. Но вышло — зря, как раз к исходу третьей недели Джон Сартер позвонил снова и пригласил меня в свой офис «на инструктаж с последующим забросом в Ватикан». Надо же! Из невообразимого числа американских спинальников, шейников, тетра- и параплегиков в лотерею воздушных замков счастье выпало именно на моё

имя! Невероятно! Казалось, с тех пор как мне достался Грустный Слоник, мечтать стало не о чём. И вот, пожалуйста — Папа Римский из Ватикана! Я вкинул таблетку в рот и хлебнул пива, будто смесь ксанакса с алкоголем стала догмой. В голове пронеслись пыльные смерчи, пляшущие на ветру. Мысли то цеплялись друг за друга, сворачиваясь в колючие веретена, то рассеивались, расщепляя изнутри череп. Кажущееся обыденным прихотливое стечение обстоятельств, иногда случайная нелепость. Скажете — лотерея!? Попробуйте вообразить себе счастливого, раз за разом отхватывающего первый приз в розыгрыше! Ну как, сумели? Ещё вчера отрицал бы, но сегодня я ни в чём не уверен. Всё возможно. Окружающий нас мир — часть вселенского механизма, запущенного или остановленного тем, кто имеет на это право... приобретённое от самого себя. Происходящее со мной неизбежно, ибо решение принято Им. И всё, что выходит, можно предоставить Ему. Значит, долой лишние нравоучения и мораль. Без транквилизаторов, то бишь, транков, я бы давно вскрыл себе вены и отпустил душу на волю...

— Люк!

Литавры в моей голове затеяли язвительный перезвон. Голос Аклы продирался сквозь «Гамбургскую траурную музыку», испечённую

духовыми, ударными и кучей струнных, оставляя смысл слов за кормой восприятия. Уши застлал грохот — громогласный, как ядерный взрыв «Толстяка» над японским городом Нагасаки. Когда литавры умолкли, стало нестерпимо тихо.

— Родной, ты ни в чём не виноват! Зачем же себя так терзать? Так ненавидеть? Губить? Разве мало придурков, способных на это вместо тебя? Послушай меня, Люк...

Лицо Аклы смазалось, вытянулось и растеклось в перспективу. Чтобы избавиться от наваждения, я боднул лбом пространство. Проклятье! Пиво насквозь прогоркло! Надо было брать чешское! Американцы разучились варить «Будвайзер»! Слезы Аклы покатались по полу исчезающими горошинами, казалось, их таскали в подпол приبلудные мыши. Укоризненно застучала барабанная дробь, загнав меня в дальний угол:

— Почему ты себя так ненавидишь?

Гадкая фраза, где-то я её слышал, один к десяти, что недавно. Прищурился на своё отражение в окне. Какой простор для человеколюбия! Вот истинная свобода любить... Или ненавидеть... Чувство слишком великое, чтобы воодушевлять им такое пугало, как я... Взгляните, это Люк Роелс... собственной персоной. Ему вполне достанет брезгливости и презрения... Даже с избытком... От безысходности я коснулся

манипулятора — но Грустный слоник не тронулся с места...

— Не волнуйся... — всхлипнула Акла, — это я вынула батарею.

— Ты...! Какого чёрта!!! Кто просил?!

Она всхлипнула. Тогда я запустил в неё бутылку. К счастью, промазал. Посыпалось стекло, рахитичной медузой поползла по стене пена.

Когда я, будущий программист, но в те времена студент «Long Island University», вернулся из клиники домой, Акла, девушка с фундаментальным бюстом, внушительным задом и пикантными оспинками щёк, впала в грех, коим страдают многие женщины при таковых подробностях. Она утопила калеку в патоке усердия и забот. Сдувала пылинки, меняла «пелёнки», баюкала, как младенца: «Спи, мой мальчик, я тебя не оставлю». И даже предусмотрительно плакала. Жалела. Жалела до позвоночных колик, до икоты, пока не вжилась в образ всепрощающей мамочки — её ненаглядной Святой, во плоти Марии Магдалины де Пацци, прозевав моё созревание в кухонного деспота. Меня раздражало всё: уведённый от кровати Грустный Слоник, разбросанная обувь, превращавшая квартиру в ковбойский полигон, забытая на верхней полке упаковка любимых хлопьев. Простушке Акле мелочи быта казались мыльными пузырями, не достойными переживаний.

Её неразборчивость, обратная сторона чёрствости, бесила и я постепенно черствел сам, подобно хлебному ломтю, забытому на столе. Злость пожирала изнутри, но старался терпеть, страстно желая, чтобы Акла сама догадалась о причинах моего негодования. Куда там! Подобное понимание приходит с годами и с горьким опытом... Но зачастую непоправимо поздно...

Захватив сумку, я выкатился из квартиры, как только потерявшая душевное равновесие Акла вставила в блок питания батарею. Исчез, не прощаясь. Постоял перед дверью лифта — где-то выше не торопились его отпускать. Сжав зубы, тронул пальцем манипулятор, Грустный Слоник, плавно развернувшись, подобрался к кромке. Два пролёта по двенадцать ступенек. Будь, что будет, такая сегодня струя! Развернувшись спиной к спуску, я привалился животом к коленям, одной рукой уцепился за перильце, другой дал задний ход. На самом деле, предосторожности потакали страху, ведь мой Элефантик знал своё дело. Ему по-фигу — взлётная полоса, брусчатка с бордюрами, или пролёты лестниц.

Офис «Follow Your Dream» находился неподалёку, в пределах разумного, и я решил отказаться от подвозки. Захотелось побыть одному посреди города. Посмаковать подлинность одиночества. Спокойно рассудить, что мосты

сожжены. Этот вердикт, если и не имел разумной подоплёки, всё же позволял подстраховаться, обнадёжить себя. В багажной сумке лежали несколько упаковок транков, сменные катетеры, презервативы, деньги и сигареты. В специальном отделении отдыхали сменные батареи. Остальные незаменимости остались дома, в холодильнике на видном месте. Распрекрасная Акапулька увидит их и поймет. Но если не поймёт, ударится в панику, изведёт фирму телефонными звонками, закатит скандал социалам... Кто её знает... Но, может быть... вздохнёт облегчённо и с головой окунётся в фитнес, чтобы слегка похудеть...

Бывалому колясочнику и километр пути — каторга, зато Грустному Слонику сущий пустяк. Не ясно? Тогда натужьте свои извилины, мыслители, вот вам задача. Если порыв ветра оборвёт листву в парке, какова, по-вашему, вероятность, что листья, падая, улягутся на земле во фразу: «Боже, храни Америку»? Что, слабо догадаться? Так и быть, отвечу — колоссальнейшая в сравнении с возможностью любого события.

Грустный Слоник деловито покрывал асфальт армированной резиной. Редкие прохожие отводили глаза от калек в оранжевом берете, белоснежной рубашке с жабо, краплёным блёсткой, шотландском килте в крупную клетку поверх лосин с наброском скелета и в беговых «Найках», давно вышедших из

моды. Очень раздражали конфузливые взгляды. Пришлось свернуть в арку между домами — благо, что Грустный Слоник чихать хотел на препятствия. Без него я был заурядным колясочником. Бордюрные камни представлялись отвесными скалами, и прогулки на свежем воздухе ограничивались бетонным пяточком возле дома. Изредка, втихоря от Аклы, подкрепив плоть лишней таблеткой ксанакса, я бросался в атаку против... своей убогости, нахраписто, вроде конкистадоров в погоне за добычей. Они-то держались в сёдлах, как влитые и, по представлениям индейцев, составляли с лошадьми единое целое — навевающие ужас двуглавые существа. Со мной всегда случалось наоборот. Выдохнув, я становился на дыбы у края и, закрыв в страхе глаза, подавшись вперёд, решительным толчком прыгал вперёд и вниз. Порой приземлялся на все колеса, но, случалось, переворачивался и тогда долго лежал, дожидаясь помощи. Иногда приходилось успокаивать чрезмерно отзывчивого спасителя, когда он суетливо хватал меня, как придётся, пытаюсь поставить на ноги или затащить на ускользавшую коляску.

И тут-то я почувствовал неладное. Чистенький бомж, прижавшись спиной к зданию, просительно протягивал руку. Носовой платок у его ног прижимала к тротуару кучка монет. Я бросил туда

свою. Он не опускал свою руку — единственную, и экран мобильного светился в ней. Никлый, пустой рукав подтверждал её отсутствие.

— Дай ещё монетку, брат, — попросил он.

Я зарылся в сумку, поглядывая на экран. Он протянул руку поближе:

— Глянь заодно... Потеха... Вчера снял как раз здесь, где сейчас...

Я посмотрел. Странная процессия двигалась на экране — то ли массовка для фильма ужасов, то ли шествие ряженных на Хэллоуин. Они брели парами, четыре пары, одна за другой, ряженные, как на карнавал. Впереди ковылял гигант — ни очки в золотистой оправе, ни костюм идадьго не смягчали его наружности. На груди болталась пустая, без холста, рама. Под руку семенила изящная женщина — она выглядела шестнадцатилетней на годы вперёд. Во второй паре густо покрашенная испанка тащила за руку малыша — он упирался, то и дело роняя с плеча раму, в точности такую, как нёс идадьго. Третья пара, как будто, врачи — молодой ассистент придерживал пожилого осанистого мэтра. Позади всех девочка с пятнистой, как у ягуара кожей, осторожно влекла за собой юношу в индийском пончо. Я присмотрелся — его фигура возбуждала сострадание и могла претендовать на жуткое сходство со мной. Откопав в портмоне залежалую монетку, хотел было бросить на платок,

но совсем некстати почувствовал грубый толчок и обернулся. Передо мной стоял верзила, с интересом ощупывая меня взглядом. Он был так похож на того рекламного гиганта с рамой без холста, что я подумал — не накатился ли очередной приход. Взгляд его пробирал меня насквозь. В нём не промелькнули ни жалость, ни презрение, и, положив руку на сердце, я был благодарен ему за это. Наконец, мне досталось свеженина вместо постылого бренда «несчастливого инвалида». Браво, я — жертва! Я завоевал их мир!

От образины разило духами и кислым потом. В голубоватом створе глаз кувырчалось сомнение: снять с чучела украшение и отпустить, или снять, но сначала стукнуть по затылку. Мою гусиную шею украшала цепочка, подарок Аклы в годовщину совместной жизни. Я покорно поднял подбородок, и он протянул пятерню. Небрежно стащил добычу. Сжал в кулаке, подбросил и словил. Ослабился, всё так же молча развернулся и отошёл, переваливаясь с ноги на ногу, как хромо́й селезень. Беспородный ублюдок! Наследственный говнюк!

Бомж, потупив голову, пробормотал тоскливо: — Гнусный подонок. Его здесь все знают. Недавно отобрал у меня дневную выручку Рак ему в печёнку...

Его надтреснутый шёпот задел меня за живое, зацепил тонкую струну. Так и вскипело вразумить

парня, обломать, как следует, и я сказал тихо, так чтобы он услышал:

— Братишка, давай взгляни сюда! Чудак, ты стоишь на своих двоих — радуйся! Перед тобой целый мир! Ты можешь взять и запросто побрызгать на тротуар! У всех на виду! Ну? Что? Разве не клёво! Хочешь, махнёмся? Я готов. Хоть на минуту... Разомну ножки...

Процессия удалялась, пока не свернула на перекрёстке. Мне предстояло ехать туда же. Я ещё с минуту оставался на месте. Что это было? Глюки? Или на самом деле? Эй, мне не примерещилось — меня точно ограбили! Я засмеялся, трясаясь от омерзительного озноба. Цепочку венчал медальон с профилем Акапульки, моей пышечки Аклы. Как символично! Раз нет цепочки, значит, нет дороги домой! Значит, только вперёд! На аудиенцию с Викарием Христа из Ватикана! Ясное дело, добром она не пахнет. Тут главное не облажаться, когда сам Папа Римский возложит на голову длань для благословения. Здесь важно вовремя ущипнуть себя за живую плоть повыше бесчувственной задницы. Мои ноги и ягодицы можно ковырять шилом до второго пришествия или до появления спастики, до едва ощутимых фальшивых колик, чёрт бы меня побрал вместе с ними!

Здания на семьдесят седьмой улице жались одно к другому, как хохлатки в дождь. С трудом

распознав номерную табличку, я замер. Остолбенел перед монументальной неприступностью ступеней! Какой болван их придумал! Настоящие Кордильеры! Анды! Монблан! Чтобы оказаться наверху, придётся взять их с десятков, отвесных, как лестница Якова к небесам. Невероятно, воистину «Follow Your Dream»... Но нет, господа, простите! Мои затуманенные ксанаксом и алкоголем глаза не сразу разглядели пандус, позволяющий бедолагам закатить наверх свои рондо.

Появление конкурента не произвело впечатления на публику в холле. Разве что Грустный Слоник удостоился завистливых взглядов. Даже среди соратников по несчастью я оказался одиноким. Толпа собралась разношёрстная: дюжина спинальников, троица шейников, один из них точно трансвестит, другая — молодящаяся матрона. Остальные — законченные паралитики. Я безапелляционно обвёл взглядом везунчиков, ошастливленных лотереей «Follow Your Dream». Любопытно, что за мечты обещал осуществить Джон Сартер! Кое-какие я взялся бы отгадать. Владелец Грустного Слоника в глазах «имеющих затруднения» мечтателей венчал иерархическую пирамиду их сообщества. Кому из них не хотелось стать значимее! Вообще, Всевышним над всеми! Мне нынче не втюхать, что ощущает полноценный человек при ходьбе, так и

«кваду» не дано осознать свободу движений, подаренную Элефантом. Когда я впервые увидел Грустного Слоника, улыбка на моём лице уподобилась восходу солнца.

Не успел я как следует насладиться превосходством, как ко мне вырулила на своих двоих (да каких!) блондинка приемлемых лет. Розоватый блузон с запредельным декольте оставлял полоску тела над чёрной юбкой, едва приоткрывающей колени. Бесподобно! В каком журнале мод ей удалось присмотреть эту припадочную коллекцию! Искусно задрапированное лицо дышало любезностью так слащаво, что нестерпимо захотелось обдать его кислешшим из лаймов.

— Мистер Роелс? — спросила она с восхитительным придыхом.

На всякий случай я решил умерить её прыть:

— Имею от мистера Роелса нотариальную доверенность на встречу с Его Святейшеством... С Папой Римским, Викарием Христа из Ватикана.

Её глаза расширились, и она стала похожей на сову, обречённую снести страусиное яйцо.

— Шутка. Люк Роелс перед вами, — пожалел я её и, чтобы скрасить неловкость, показал удостоверение. Просроченное водительское, из прошлой жизни. Оно произвело гуманное воздействие. Дама, словно, разрешилась от

страусинового бремени, издав избавительный возглас. Но, увидев на моём лице понимающую улыбку, сумела взять себя в руки.

— Ивонна, ваша сопровождающая, — прощепетала она, протянув ухоженную кисть для заключения мира.

Я сжал её пальчики. Итак? Ивонна придвинула стул, села напротив. Наверняка изучила «Американскую декларацию независимости инвалида».

— С этого момента и до конца путешествия я буду в вашем распоряжении. Любые просьбы и пожелания...

— Любые? — невинным тоном поинтересовался я, прикипев взглядом к откровенному вырезу блузы.

— Любые, — без рисовки подтвердила Ивонна, бледно рдея. Доказательно закинув ногу за ногу, поставив меня на место белизной трусиков. Пришлось покраснеть в ответ.

— Значит, мистер Роелс, станем считать, что познакомились и понравились друг другу.

Теперь, когда Ивонна расслабилась, наши глаза сошлись на одном уровне. Тонкая, едва заметная сетка морщин на её лице, заключала в плен серые, в опахалах роскошных ресниц, глаза.

— Вылет сегодня в двадцать ноль-ноль из «Кеннеди». В мероприятии восемнадцать

участников с ограниченными возможностями, восемнадцать сопровождающих, пять переводчиков и старший координатор... он же идеолог акции мистер Стив Ферроу.

Я упорно пожирал взглядом роскошность в декольте и предполагал одно из двух — либо получу пощёчину, либо отделаюсь нахлобучкой. Мне было по барабану, сколько переводчиков участвует в их голубиной акции. Но имя идейного вдохновителя показалось знакомым. Видал я таких клоунов! В Америке их как саранчи! Пока я, покалеченный, изнемогал в больнице, вынашивая суицид, эти предприимчивые пираньи вынюхивали, кто виноват, и в какие деньжата выльется отмазка. Ведь со мной случилось необъяснимое. Я помнил до мелочей, как собирался на встречу, как произошла авария, в какую привезли клинику, даже лицо водителя погрузчика, будь оно неладно. Зато месяцы больничных будней вынесло из сознания, словно селевым потоком. Я даже не пытался вообразить, что происходило в чёрном провале. Мироощущение вернулось ко мне позже, после «внесознательного» периода, когда настало время реабилитации. Впереди траурными вехами маячила новая жизнь. Но жить не хотелось. У всех нас, потерянных, утративших привычные физиологические функции, мир воссоздавался в мрачных тонах. И в нём, как в неволе, как в

разнузданном бессердечном рабстве, просто так, «за бесплатно», ничто никого не вдохновляло. Пришлось довольствоваться тем, что осталось. Жизнь ковыляла на ходулях.

После выписки из клиники меня время от времени приглашали в реабилитационный центр. Осматривали, ощупывали, делали смертельно надоевшие проверки. Я получал свежие рекомендации, точь-в-точь повторяющие предыдущие, и вдобавок очередной рецепт на лекарства, наименования которых затвердил наизусть. Как раз за неделю до первого звонка Джона Сартера, меня очень обрадовали — выпущен новый, сильно продвинутый ксанакс, именно этот надо просить в аптеке, не путая с предыдущим. И принимать строго два раза в сутки. Я немедленно отправился в аптеку — ту, что указали в рецепте.

Фармацевт посмотрел на меня пристальной обычного и выдал упаковку.

— Почти одинаковая с прежней — удивился я, — в чём прикол?

— Там поперёк радуги штамп «VIRT-VIA-Z». Редчайшее лекарство, продаётся только в двух аптеках Нью-Йорка. Строго по именному назначению специалиста. Очень результативная модификация...

— Наверное, есть принципиальные отличия? — спросил я, ведь хотелось разузнуть

побольше, — с каким, например, сочетается питанием?

— Противопоказания безобидные... К пище и питью вообще отсутствуют... Диета свободная, — солнечно улыбнулся он и, немного подождав, отошёл к следующему клиенту.

Как я возликовал тогда! Господи! Теперь мне ничто не угрожало стать добросовестным пациентом. «Класс! Свободная диета! Это значит... Ограничений нет!» — подумал я решительно и тут же велел Акле купить ящичек пива, разумеется, «Будвайзер»... И чуть погодя обнаружил, что новые таблетки ксанакса имели изумительные свойства. Они вызывали непритворные чувства, глюки и ощутимую боль — даже в парализованных ногах.

Я развернул Грустного Слоника в пол-оборота, чтобы видеть обоих — Ивонну и шустряка Ферроу. Чуть сутулый, вглядь выбритый, с хитроватыми глазками. Мне показалось, что мы виделись раньше, но грудь Ивонны притягивала больше.

— Ведущая реалити-шоу «Fallow Your Dream», несравненная София Феррари, — с пафосом объявил он, потрогав на шее бабочку в бриллиантовой чешуе.

Назойливые операторы отвлекли меня от созерцания декольте Ивонны. Они-то зачем? Каждый «мечтатель» получит в награду диск.

Вполне логично и предусмотрительно.

— Потребуется подпись, — я машинально расписался, Ивонна перевернула лист, — здесь и здесь.

Моя скромная подпись, кроме реквизитов банка и социального работника, снова оказалась кому-то нужна. Далее следовала подробная инструкция, как вести себя на встрече с Папой. Что можно говорить, а чего нельзя категорически. Разумеется, я воздержался читать манускрипт о правилах общения с главным духовным пастырем. Дальше в объёмистой папке комплектовалось убойное кладбище информации. Сообщалось, что подготовка к исполнению мечты займёт около месяца. Обосновывалось почему. Прилагался увесистый перечень требований, подтверждений, разрешений и согласований. Они были задокументированы, идентифицированы и, кроме исчерпывающих сведений обо мне, содержали скромные выкладки отдельных этапов работы.

Я потянулся к сумке, где хранился стратегический запас пива. Не успел — меня почтила вниманием мисс Феррари. За её голой спиной маячил коротышка телеоператор с гигантской камерой на плече. Как он умудрялся таскать на себе это сооружение, оставалось загадкой. Такое допотопное страшилище во времена революционных технологий! Не

исключено, что какой-то многофункциональный монстр.

— Перед вами Люк Роелс, молодой человек, имеющий инвалидность. Он испытывает некоторые трудности при передвижении, но ему помогает восхитительная... Не нахожу подходящего слова... необычная коляска, можно сказать, вездеход, — ведущая безоблачно хихикнула, — Люк, вы нам поможете? Как называть этот замечательный аппарат, новинку техники и прогресса?

— Грустный Слоник, — заявил я, мрачняя на глазах.

— Как мило, Боже мой, как мило! Вы дадите мне прокатиться?

Меня передёрнуло. Я тронул манипулятор и покатил на телезвезду, но она не ступевалась. Нашлась, как выжить. Руля попойкой, понеслась по кругу. Оператор гарцевал впереди, заставляя объектив держать в фокусе её лицо.

— Мистер Роелс прикован к инвалидной коляска вот уже... впрочем, не стоит напоминать ему о грустном событии в его жизни. Важно то, что он истинный католик. Мечта его жизни — получить благословение от Папы Римского. Мистер Роелс справедливо полагает, что подобная милость от высшего духовного иерарха непременно поставит его на ноги. Наш меценат мистер Ферроу исполняет любую мечту. Волнуетесь, мистер Роелс?

— Чтоб тебя...

Феррари подала оператору знак продолжать съёмку. Значит, не прямой эфир, лишнее вырежут при монтаже.

— Люк, позвольте называть вас просто Люк? Мне действительно хочется подружиться с вами. Расскажите телезрителям о том, как произошла катастрофа? Но только при условии, что воспоминания не причиняют вам боль... Только при этом условии! Договорились?

Я остановил Грустного Слоника. Было отчего. Неужели ослышался?! Она хочет, чтобы я рассказал, как умирал? Ей одной? Ей и миллионам охочих до чужих чувств ханжей! Миллионам энергетических вампиров, импотентов, давно не способных самостоятельно возбудиться. Пожирателям страданий, развалившимся в удобных креслах, набившим брюхо «Будвайзером» и бройлерными крылышками «KFC».

Вы хотели этого? Не передумали? Так получите! Хватайте! Хавайте! И я прилепившись к спинке Грустного Слоника, сперва картинно откашлялся.

— Это случилось много лет назад на федеральной трассе Нэшвилл. Я возвращался из дома престарелых, где навещал родную бабулю. Ей как раз стукнуло девяносто два, и мы все — я, две моих сестрёнки Дженнифер и Джессика, младший

братишка Билли и двоюродная тётушка Энджел, решили устроить старушке сюрприз. Когда бабуля отправилась на процедуру, кажется, клизма с минеральной водой или хиропрактика, не важно, мы попрятались в её комнатухе, хотя это, скажу вам честно, оказалось не просто. Я взобрался на шкаф, тётушка Энджел с сестрёнками в шкаф, братик, как самый маленький, умудрился втиснуться под кровать, — звезда слушала исповедь с кроткой улыбкой профи на пике карьеры, — там скопилось столько пыли, что первые минуты Билли беспрестанно чихал, пока не разнёс её по всему помещению. Согласитесь, здравомыслящие люди обязаны учиться на чужих ошибках. Мораль истории о перебитом позвоночнике банальна — зарекитесь пугать до смерти древних старушек. Трудно представить, что произошло в седенькой головушке, но, когда сами собой распахнулись дверцы шкафа, сверху свесилась моя голова, а из-под кровати выполз на четвереньках зачуханный братец Билли, бабушка икнула, закатила глазки и почила. Штатный врач дома престарелых констатировал смерть. Мы были в отчаянии. Видавшая виды «Версо» ещё никогда не везла такой грустной компании. Музыкальный центр воскрешал печальное адажио из Аранхуэзского концерта. Глаза застилала слёзы, это, впрочем, и позволило немного отсрочить

развязку. Я плохо видел дорогу, и, когда первый бак скатился на полосу, непроизвольно дёрнул руль вправо, съехав на обочину. Бак столкнулся с чёрным, тонированным «Мерседесом», мчавшимся на огромной скорости. От удара автомобиль понесло в сторону, он подлетел вверх, чиркнул колёсами о крышу «Версо» и рухнул на деревья. Мне бы понять предупреждение свыше и остановиться, но скорбь по кончине близкого человека застлала разум.

Тогда я ещё не знал, что в полёте «Мерседес» срубил вершину шестиметровой сосны, из него выпали трое несчастных — двое погибли на месте, третьего, юного альбиноса привезли в клинику в коме. После продолжительного лечения он выжил, но, несмотря на усилия врачей, потерял способность ходить. Мы было сдружились, но ненадолго, парень не справился с депрессией и покончил с собой, направив инвалидную коляску в Ниагарский водопад...

Три таблетки ксанакса с алкоголем — чересчур даже для опытного наркомана. Я говорил, София Феррари молчала, не замечая, что застыла с открытым ртом. Телевизионщики тоже не двигались, не говоря уже о моих несчастных собратях. Слова изнутри рвались на волю, будто меня обкололи настоем из самой истины, если, конечно, такая смесь не выдумка для ФБР. Три

таблетки ксанакса и сверху алкоголь развяжут язык кому угодно. В том числе и мне. И я заговорил снова:

— Скатившийся с грузовика второй бак обратился в трамплин для раритетного «Мустанга» восемьдесят второго года выпуска. Красавец шёл метра в пятидесяти от меня и, встретив препятствие, юрко взмыл в воздух, пронёсся в воздухе сорок четыре метра и угодил в кабину «Петербита», где пожилой чернокожий дальнобойщик в тысячный раз наслаждался видеосъёмкой знаменитой речи Мартина Лютера Кинга со ступеней Мемориала Линкольна. На словах «У меня есть мечта...» злосчастный нигер отвлёкся от дороги и не смог избежать катастрофы. Гигантский «Петербит» перевозил сотни ульев, в которых мирно сосуществовали тридцать миллионов пчёл. В это время года в Теннесси душно, и большинство автомобилей ехали с открытыми окнами. В тот день старуха с косой собрала изобильный урожай. Дорожным службам понадобилось три дня, чтобы очистить трассу от мёда. Поклонник Кинга и свалившийся на его голову водитель «Мустанга» погибли вместе среди искорёженного железа. Третий бак достался джипу «Эксплорер». Удар оказался такой силы, что крепенький внедорожник распался на части, из него вывалились три чернокожих ребёнка. Водителя

обнаружить не удалось, видно, сбежал, убоявшись ответственности. К слову, им оказался известный педофил, чьё имя по сей день возглавляет списки разыскиваемых во всех штатах преступников. Так вот, чтобы не сбить одного из мальчишек, я крутнул руль влево и встретился с четвёртым, последним баком. Результат... Ого! Вот он перед вами...

Тут я умолк, поклонился и театрально прикрыл глаза ладонью. Мой горестный жест усилил впечатление. Тишина уравнилась минуте молчания.

— Но что было в баках? — неожиданно спросил оператор, ошарашенный рассказом и позабывший, что в его работе требуется острый глаз и короткий язык.

— Вы не поверите, господа! Но я должен признаться! Там была... Там была... Чёрт побери! Там была бычья сперма! Грёбаная бычья сперма, стоимостью в сто тысяч долларов!

— Всё это правда? — подозрительно спросила телезвезда, обладавшая по роду занятий известной долей скептицизма.

— Нет, конечно... — ответил я с таким вязким сарказмом, что все наверняка подумали противоположное. Именно поэтому воцарилась тишина, и я тронул ручку манипулятора.

Мисс Феррари успела ретироваться, не то ей

пришлось бы вплотную познакомиться со Слоником. Больше меня не беспокоили. Лишь Ивонна заботливо косилась с безопасного расстояния. В походной сумке, притороченной к борту, отыскался пузырёк «Барбовала». Препаратец исправно успокаивал нервы, расшатанные ксанаксом, алкоголем и человеческой всеядностью. Я отсалютовал флакончиком Ивонне, она нахмурилась, поджала губки и отвернулась. «Ну, сучка! — неожиданно разозлился я, — а ещё божилась, что исполнит любое желание», — и вылакал половину флакона. Мерзкое послевкусие! Я с трудом сдержал рвотные позывы — не хватало облажаться перед почтенным обществом. Вскоре меня накрыло спасительное облако индифферентности, позволив покинуть реальность...

Рейс «Трансконтиненталь»

Глава 3. Мания Грёз — Мадонна южноамериканских кровей

Сквозь завесу индифферентности слышалась ругань грузчиков, пытавшихся справиться с Грустным Слоником. Откуда им знать, что на обоих подлокотниках размещались страховочные кнопки

— если утопить их вместе, можно легко управлять вездеходом.

Я напрочь увял после «барбовала» и не взялся бы рассказать, как нас грузили в спецтранспорт. Дорогу в аэропорт «Кеннеди» помнил смутно. Осознанность вернулась после таможенного досмотра, перед посадкой. Но и тогда не в полной мере — урывками в два-три кадра. Парочка чернокожих громил в аэропортовской униформе выдернула мою тушку из объятий Грустного Слоника. О мои ощущения моллюска, лишённого ракушки!

Вскоре мы дождались заветного часа. Нас, ражих охотников за «синей птицей», распихали по креслам, как первобытных Пульчинелл. Ивонна пристегнула меня ремнём. Боинг, урча словно кот, начал разбег. Оторвался. Уши заложило, содержимое желудка отозвалось в поисках аварийного выхода.

— Париж-Париж, — томно вздохнула Ивонна и, видно, от избытка чувств, вполне естественно положила голову на моё плечо.

Я собрался было заявить девушке о нарушении моего жизненного пространства, но почувствовал предплечьем потрясную округлость её груди. Как раз хотел полюбоваться прихотливостью «Большого яблока» с высоты птичьего полёта. Обеспокоить даму в такой

чувственной эмансипации ради того, чтобы заглянуть в иллюминатор, кощунство даже для закоренелого колясочника. Ко мне слишком давно не прикасалась женская грудь, разумеется, кроме наскучивших сисек Аклы. Я скосил глаза на профиль Ивонны — с первой минуты знакомства меня не покидало назойливое ощущение. Я чувствовал, будто мы знали друг друга раньше. Вылитая мадонна южноамериканских кровей. Честно сказать, она имела поразительное сходство с Акапулькой, за вычетом, пожалуй, килограммов тридцати живого веса.

Боже Праведный, только не сейчас. В расслабленное сознание ворвались раскаты грома. В голове взорвалась космическая петарда. Обречённо забубнили литавры. Что на сей раз? Кажется, девяносто четвёртая симфония Гайдна. Подобные метаморфозы начались после несчастья, когда я лежал в больнице в прострации и надеялся на чудо. Любой фортель организма воспринимался, как очередное начало. Я даже проконсультировался с музыкантом, промышлявшим в клиниках дешёвой клоунадой. Напел ему мелодию. Тот мгновенно опознал Гайдна. Некоторые партии записал, обещал (врал, наверное), что исполнит в Карнеги-холле. Как ни абсурдно в моём положении, но тщеславие мне помогало. Отвлекало от самосозерцания.

Глава 4. Мания Грёз — Ты помнишь, где живёшь?

Мне стало не до самосозерцания. Невероятно! Грустный Слоник осиротел под музыку Гайдна! Ивонна, вальсируя, уменьшилось до размеров пчелы и бесследно исчезла. Как не спятить! Я стоял! Стоял на своих двоих у зеркала! Отчаянно щипал себя за ягодицы, за пах, за бёдра и телом чувствовал не спастикку, не тупые колики, а настоящую, упрямую, живую боль! Господи, даже если это галлюцинация — оставь её при мне! Хоть ненадолго! Как вникнуть? Во что поверить? Сумрак и теснота! Это они виноваты. И это зеркало! В нём я разглядывал отражение — оно повторяло меня, мои чувства, мою солёную радость. Я восхищался своим телом. Невысок, плотен и кряжист, как Перуанские Анды. Что дальше? Куда себя деть? С трудом натянув джинсы на отощавшие без движения бёдра, я влез в футболку с символикой Мюнхенской «Баварии». Поверх набросил цветное пончо. За моими манипуляциями из тёмного угла наблюдала моя сестра. Девочка с пятнистой кожей. Девочка-леопард. Девочка-ягуар. Ощутил, что из-под века к уголку рта поползла капля, такая прозрачная, что не нашлась в зеркале. Я на мгновение замешкался, сразу же замедлились движения и стали бесцельными. Растерянно

оглянулся.

— Ах, да... Родольфо... Бриллиантин в шкафчике справа. Как всегда. Большая пластиковая коробка белого цвета с профилем Диомедес Диаз, — пришла на помощь сестра.

Новая невидимка пролилась по щеке. Ничего не оставалось, как обиженно хлопнуть себя по бёдрам.

— Кто мог её туда сунуть... Наверное, я сам, но забыл... Или ты, но тоже не помнишь...

Девочка непринуждённо улыбнулась. Вот как! Она почему-то напомнила мне пятнистую кошку. Никто не трогал её котят... Куда они подевались? Вот чем повеяло!

Снова захотелось убедиться, ущипнуть себя за ногу, но вспомнил, что её хоть пробуй ножом, всё равно ничего не почувствуешь. Пальцы, опережая мысль, попытались сжать кожу, но не справились с джинсовой тканью. Я опустил глаза — нога ощущала тепло. Спазм перекрыл дыхание. Я... я... я действительно стоял! Стоял на своих ногах!

— Фофо, опять? Родольфо!? Неужели это случилось!

Слёзы сестры, пятнистой девочки, хлынули бисером. Она бросилась ко мне. Но это была не она! Прямо на меня неслась огромная хищная тварь, защищавшая своих детёнышей! Меня в лёд сковал ужас, но я спохватился и бросился наутёк.

Помчался со всех ног, то и дело оглядываясь назад — не преследует ли меня пятнистая смерть. Она отстала, потеряла след. Утомившись, остановился. Как и когда успел оказаться здесь? Незнакомое место. Где-то в горах, не обжитых людьми. На секунду показалось, что я — вовсе не Родольфо, что я приторочен к креслу и Акапулька смотрит на меня в иллюминатор... Затем рёв турбин унесло попутным смерчем. Я ухнул вниз. Пробил толщу облаков, казавшихся сверху свадебным войлоком, способным смягчить падение. Земля приближалась быстро. Я забился в истерике, охватывая воздух руками, и неожиданно ощутил, что пространство обретает плотность. Руки покрылись белыми перьями и превратились в крылья. Я плавно спускался, наслаждаясь полётом. Кто-либо в своей жалкой жизни испытывал оргазм? Хоть раз? А десять? А сто? А тысячи одновременно и один за другим — бесконечно, без права на передышку?

Внизу под золотым деревом, задирая кверху морды, переминались с лапы на лапу, два исполинских тигра. Я спланировал на золотую ветвь, с непривычки вцепился в неё когтями, радуясь новизне. Металл приятно охлаждал пальцы. Тигры не раздумывая, одновременно замотали головами в синхронном отрицании. Как маятник: тик-так — ещё нет, тик-так — ещё нет, тик-так — ещё нет. Ничего не оставалось, как разочарованно

расправить крылья и взмыть ввысь, взбивая воздух крыльями. Выше. Ещё выше. Ещё... Неправда, что небо недосягаемо. Скоро я коснусь его крыльями.

Внизу дерево чистого золота. Над ветвями два исполинских тигра, как два маятника: тик-так — ещё нет, тик-так — ещё нет, тик-так — ещё нет. Воздух пронзили калёные лучи. Постепенно заполнили пространство. Летать стало тесно. Я всё понял. Птицы извечно знают, что ведаёт Отец.

— Кто? — голос пробуравил пространство тысячами пустот.

— Потомок Аклаинки, — знание неправильных ответов отозвалось во мне мгновенно.

— Верно. Время не настало. Ты не всё увидел. Храни путь в тайне!

Тогда я разместился на шее отца, свесил босые ножки и растаял от восторга. Рядом, радуясь, шла мать. Оставаться самим собой стало невыносимо. Позволил себе раствориться в детском счастье. Но оно, как миллионы подобных чувств, оказалось мгновенным. Только что млея на отцовской шее, но папа вдруг обратился в левую ногу, мама, смеясь, в правую. Я закачался, как новичок на ходулях, едва не упав навзничь. Меня поддержал пожилой человек, похожий на доктора, что приезжал в наш город год назад.

— Юноша, ты помнишь, где живёшь? —

участливо спросил он.

Утвердительно кивнув, я улыбнулся, почувствовав рядом опору. Ухватился за широкую ладонь и нетерпеливо потянул. Доктор на мгновение замер, но я не позволил ему ждать второго пришествия. Очень хотелось домой, к родителям.

— Осталось недалеко... Мама с папой давно дома. Они волнуются и будут меня ругать... Им нельзя нервничать, иначе они потеряются и не попадут домой.

— Фофо! Фофо! — услышалось сквозь гул самолёта...

Я с трудом открыл глаза. Ничего не скажешь, приبلудилось. Глюки. Надо притормозить с транками. Хотя... сколько мне осталось? Передо мной на колченогом табурете сидела моя сестра, девочка-ягуар. Жёлтые, круглые зрачки тускло мерцали в полумраке крошечной комнатухи. Слезы-алмазы крупными каплями дробили дощатый пол. Голодные мыши утаскивали их в подпол.

— Что с тобой, брат? Расскажи... Не молчи... Не оставляй меня одну, Родольфо...

Стало невмоготу, и нужно было уйти, чтобы продолжить.

— Не плачь, сестрёнка, — обнял её, прижал заплаканное личико к груди. Пончо быстро

промокло, обжигая тело горем ягуара. Сделалось одиноко. Захотелось прошептать в подрагивающее ушко с кисточкой шерсти на конце что-то ласковое: «Я люблю тебя, сестричка, но Там, за перевалом, меня ждут... Разве не помнишь? Эти два тигра... Там вечность, а здесь я всего лишь кокон, сотканный из боли». Мой отец превратился в ногу, мать во вторую... Сам я остался без ног... С сумбуром в сознании... С рёвом турбин самолёта в ушах...

Глава 5. Конкиста — Наверху нас ждут пациенты

Рёв турбин самолёта обручем сжимал голову. Пока борт IV-6583, снизившись, тянул к аэропорту, профессор Хайме Пилар Пинто разрывался между двумя искушениями. Первое — задремавшая у его плеча мадонна южноамериканских кровей, другое — иллюминатор, нацеленный на одну из противоречивейших южных столиц. Припасть к нему, обеспокоив даму, выглядело кощунством. Наслаждаться восхитительной округлостью, прижавшейся к локтю, грозило упустить сверкающие небоскребы, величественно-чопорные дворцы, особняки и весь старинный центр, выточенный в колониальном стиле. Хайме Пилар справедливо избрал женскую грудь. Полёты в

Боготу случались намного чаще. Напоследок, в течение ещё получаса, пока самолёт не приземлился, профессор Хайме Пилар Пинто млеет от присутствия попутчицы. Мог ли не восхищаться ею мужчина, дождавшийся старости, никогда ранее не выдавший рядом женщины привлекательнее этой. В нём и впрямь пробудилось осязание единственного, неповторимого во все времена образа.

Встречал профессора расторопный ассистент, незаменимый на протяжении последних четырёх лет. Глаза его заразительно блестели: здесь либо новая подружка, либо неожиданное развлечение. Наблюдение профессора оказалось пророческим. Продолжение путешествия откладывалось на завтра. Сегодня бесстрашные рыцари Колумбии сразятся с быками-монстрами.

Корриду Хайме обожал и, хотя в юности сумел преобразовать природную агрессию во врачебное ремесло, отказать себе в удовольствии не смог.

— Эх, Альберто, а ведь наверху нас ждут пациенты, — сказал сокрушённо, протискиваясь в услужливо открытую дверцу автомобиля.

Тот картинно развёл руками, улыбаясь скорбно и виновато.

Стадион замер, изумлённый неистовством быка, не позволившего вогнать в свою холку ни

единой бандерильи. Такое оскорбление могла утолить только кровь. Матадор спешился, обнажил мулету. Баритон профессора Пинто слился с многотысячным рёвом толпы, оценившей честь, достоинства и унижение рыцаря. Теперь ничто не мешало выбору. Смерть на острие шпаги тореадора, смерть на кончиках бычьих рогов. Первым разъярился бык, взрыл ногами песок и воздел фонтан пыли. Её подхватил налетевший порыв. Швырнул в глаза. Зрители суксились до мышиных размеров и с мерзким писком кинулись врассыпную. Костюм запорошило пеплом. Сначала Хайме почувствовал боль в ступнях, а уж после прочие горести пятилетнего пацана. Из ботинок на толстой подошве, подаренных как-то отцом, нога вовсе выросла, и трудно давался шаг. Мать, донна Каторса, в одежде чудом чистой, тащила за руку в сиротский приют. Единственный в городке и оттого зловещий. Отец сгинул, мать на глазах завертел водоворот жизни. Свободной рукой новоиспечённый сирота прижимал к себе полотно в искусном обрамлении, писанное на века маслом. Свирепый взгляд кабальеро с холста сквозь очки сверлил неумытые улицы, расплавленные жарой, но кто он и откуда — не рассмотреть. Слишком извилист путь малыша. Выдернул руку, сел в пыль и содрал с себя башмаки. Донна Каторса бровью не повела, дождалась и потащила дальше. Втолкнула

за ворота во двор и исчезла навсегда. Затем подошёл кто-то чужой, потрогал за локоть. Хайме обернулся — знакомые, но неузнаваемые черты лица. Испуг в глазах Альберто.

— Что с вами, Хайме... вам плохо? — спросил неслышно, увлекая за собой, и профессор пошёл, ощущая через носки горячую щербатость бетона. Присев на покинутое место, вдел ступни в обувь, брошенную под скамьёй.

— Так, усталость. Привиделось вдруг, — объяснил он ассистенту, припоминая подробности. С ними не всё оказалось благополучно, с действительностью обошлось ещё хуже. Раж корриды ударил в уши, ранее будто защищённые непроницаемыми затычками, после исчезнувшими вмиг. На сей раз выпал особый случай, когда всадник обязан отомстить за оскорблённую честь. Тореадор, изготовив шпагу, как дирижёрскую палочку, вонзил острие в лоснящуюся шерсть. Бык зашатался, тяжело раздувая ноздри, вздрогнул и упал. Финал праздника увенчался благородным убийством. Всё, кровавую зарубку сгладит сон, затем начнётся конкиста.

Едва забушевало сражение за главенство в небе между солнечным диском и горными пиками, джип, управляемый Альберто, уже настырно покорял вертикальную географию колумбийских Анд. Путь профессора Пинто, невролога с мировым

именем, лежал в городок Параноес, прижившийся на высоте, вряд ли доступной даже алчным конкистадорам средневековья. Загадочность поселения вменялась в вину жителям — несомненно, потомкам белых пришельцев, избравших столь неуютное место для печально помеченной оседлости. Обитатели Параноеса повально страдали наследственным недугом, рано или поздно превращавшим их в слабоумных, испытывавших нестерпимые физические страдания. Городок, вотчина болезни Альцгеймера, являл собою гигантский полигон, позволяющий пристально изучать её сокрушительную прыть. Проект, разработанный профессором Пинто, балансировал на грани врачебной этики. Деградация согласившихся на эксперимент носителей наследственной аномалии началась задолго до обнаружения первых симптомов и протекала незаметно. Поэтому применять опытные препараты предстояло заблаговременно, протестировав их на молодых людях. Именно молодёжь планирует завести семьи, детей. Многих ожидают десятки лет счастливой жизни, прежде чем генетический вирус разрушит их мозг. Но им предлагают рискнуть сейчас! Половине из отобранных — пилюли, остальным — плацебо, пустышку без лекарственных свойств, чей лечебный эффект связан лишь с верой страдальца в

препарат. То ли русская рулетка, то ли барабан казино.

— Выше этого городка никто не живёт, — сообщил профессор истину, давно известную Альберто и прозвучавшую, как намёк о возвращении. В худшем случае, как напоминание о неминуемой смерти. Но даже незначительная победа над всеильным недугом — одно из величайших достижений в бесчисленности прочих, утверждающих силу человечности. Шаг к несомненному триумфу, ведь на кону миллионы продлённых жизней и миллиарды долларов во спасение страждущих.

Глава 6. Мания Грёз — Мистер Роелс, с вами всё в порядке?

Миллиарды долларов отдал бы во спасение души, позволь мне Всевышний подольше задержаться в своих видениях. Краски возвращения оказались так яркие и неподдельны, что я не сразу ощутил своё тело. Салон «Боинга» выглядел тесным и жалким. Калеки вызывали отвращение. Лишь мягкая грудь Аклаинки оставалась трогательно притягательной. Стоп, стоп, стоп. Акла осталась в Нью-Йорке. Я непроизвольно вздрогнул. Ивонна выпрямилась и обеспокоенно взглянула на меня. Допрыгался — ведь знал, что перелёт

мучительно долгий, и всё же наглотался ксанакса с этанолом. Погнался за седативным эффектом вместо того, чтобы принять что-нибудь мочегонное. Результат вышел устрашающим — мне наяву казалось, что я вовсе не я.

— Вам нехорошо? — Ивонна выглядела озабоченной, я почувствовал, как моё лицо набрякло красным, уподобляясь маске индийского бога Виракоча, висевшей в моей спальне рядом с распятием. Когда случалось такое, Акла нашёптывала, что я похожу на Виракочу, как проклятые таблетки ксанакса одна на другую. Всегда поражало, как уживались в девушке матёрый католицизм с верой вымерших инков. И тогда, чтобы быть квитым, я отвечал, что она точь-в-точь наш сосед-алкоголик Ромарио, только с женскими космами. Затем мы поворачивались друг к другу спиной и переругивались. Затем мирились. Она это обожала, но в последние годы мы часто ссорились, но трудно мирились. Так вряд ли могло длиться бесконечно.

Донимала язвительная дрожь. Ногами правила спастика. Ещё немного, и они могли разбудить сидевшего впереди шейника. Он летел пообщаться с Рональдо в паузе между таймами на Мадридском стадионе «Сантьяго Бернабеу».

— У вас катетер? — спросила Ивонна, словно пошла покурить.

Я покосился на её грудь, но промолчал.

— Так или иначе, — молчание её не смутило, — помочь добраться в уборную?

В проходе между креслами фланировали статные стюарды. Стоило лишь намекнуть, как моих коллег по несчастью ловко выхватывали из кресла и тащили в специализированный туалет. Боинг ревностно заботился о своём престиже и заодно о нас. Стюарды двигались по-кошачьи мягко, так, чтобы не раздавить кресла-волокуши, в которых охломоны, вроде меня, шмыгали по проходу. Кто по надобности, кто из любопытства или жажды поболтать с собратьями. Скоро движение усилилось, и стюардам пришлось взяться за роль регулировщиков.

Мне от пустой возни сделалось стрёмно. И как верить в Бога! Объясните, кто может! Будь Он на свете, сделал бы всё проще. Достижимее. Хотя справедливость, по сути, всеядное болото утопий. Проигнорировав протестующую Ивонну, я перемахнул через её колени и вывалился в проход. Вдохнул вольного воздуха, сжал зубы и на заднице поскакал к уборной, подтягивая ноги руками. Жуть, как истосковался по движению! Регулировщики едва не арестовали за превышение скорости. Учитесь, братья мои, учитесь, обломыши, кто сподобился.

У туалета стояла, сидела и лежала самая

жалкая очередь в мире, но чудовищная спастика, вкупе с маской Виракоча, застывшей на лице, сделали своё дело. От многих уже подванивало, и спешить им было некуда. Воистину, королевский альтруизм — меня великодушно пропустили. На «горшке» немного отпустило, и удалось расслабиться. Осмотрелся. Слева, в притороченном к стене пластиковом кармане обнаружился толстенный журнал. Я раскатал было губу на «Плейбой», но это оказался глянцевый магазин репродукций. Весь посвящённый малоизвестным холстам незабвенного Антона Мауве. Видно, кто-то из управленческих авиаглаварей посчитал, что просмотр голландской живописи на высоте в десять тысяч метров способствует оптимальной дефекации. Я допил «барбовал» и раскрыл журнал — как раз на биографии художника. Она показалась мне забавной. В шестнадцатилетнем возрасте Мауве поступил в обучение к известному анималисту. Я захохотал так, словно впервые обкурился отборного колумбийского каннабиса. Мне представился юный Мауве, рисующий с натуры любвеобильного петушка и его простодушных хохлаток. В дверь настойчиво постучали.

— Мистер Роелс, с вами всё в порядке? — раздалось сквозь символическую щель.

К чёрту Ивонну, когда здесь бушуют такие

страсти! Конченный анималист научает неповторимого Мауве, как рисовать овечек! И маститая в будущем знаменитость Мауве ищет собственный новаторский стиль — безмятежно благие сюжеты, уютные серебристые тона. Похихикивая, я перелистывал плотные, линованные страницы, но одна из них словно прилипла к пальцам. Экзотика! Среди животных с очеловеченными мордами, человек со звериной рожей и более того — в очках! Что за диковинный портрет! Испанский рыцарь, идалго в роскошных доспехах... Моё воображение отработало изумительный посыл. Конкиста! Теночтитлан! Теокали! Золото инков! И эта дьявольская физиономия! И в очках! Откуда взяться благородным стёклам в золотой оправе на звериной морде? Я представил себе несчастных индейцев, повстречавших этого монстра на узкой тропе в сельве американских Анд. Присмотрелся к гляncу. Подпись отсутствовала. Откуда взяться этой уникальности среди репродукций Мауве? Любопытной гусеницей поползло во мне ощущение чего-то знакомого. И сразу открылось. Отец Аклы, когда ещё помнил, как его зовут, рассказывал, что их семья ведёт род от испанцев, осевших где-то в Кордильерах лет пятьсот назад. Чем не впечатляющая зацепка, толкование забытого сна?

Глава 7. Мания Грёз — Жертва рождённого с изъязном

Разве что забытый сон, как впечатляющая зацепка. Из-за него сделалось жарко. Я поднял глаза к небу. Оранжевое солнце расплавляло сетчатку глаз. Винтом поднимался к облаку завораживающий суховей. Навстречу, вниз, оседал титанический пепел. Вздох ужаса, всеобщий и подавляющий волю, остановил биение сердца. Терзаясь в сомнениях, я опустил глаза. О да, я снова стоял! Этого не могло быть... на невыносимо стройных женских ногах. Сказать честно, мои высохшие нижние конечности мало напоминали мускулистые мужские, но эти две, вне сомнений, были женские. Перевёл взгляд на обнажённую грудь, совсем небольшую грудь не рожавшей девы. Ничего себе, обворожительный глюк!

В голове, кроме осознания иллюзии, ожила внятная подсказка, нашёптывавшая, что я делаю что-то не так. Настолько мимо, что, если не исправить положение сейчас же, жизнь подвергнется нещадной опасности. Пришлось снова унизить собственное «Я», растворившись в чужом...

Не я стоял — я стояла на травянистой низине в окружении десятков женщин. От них, от их наготы, прикрытой набедренными повязкам, пахло

угрозой. Сознание подсказало суть их вызова — ты, Аклаинка, допустила святотатство, посмеив взглянуть в упор на Отца нашего Солнце.

— Человеческая жизнь высший дар, — голос Аклы, мой голос, эхом разнёсся по долине и, обдираясь о скалы, постепенно затухал, — жертва рождённого с изъяном — наш святой дар милостивому Отцу...

Разряжённый воздух, свирепый ветер Анд и ослепительный Отец Солнце, чей лик лицезреть запрещено, наблюдали за высохшим, почти мёртвым, обряженным в красное, жрецом. Жрец держал в руках басовито попискивавшего младенца, прирождённого мужчину. Жрец уложил мальчика на жертвенный камень и поднял обсидиановый нож, украшенный бирюзой и ракушками. Он едва держался на ногах — слишком долго соблюдал аскезу во всем. Давно не мытые волосы, пропитанные кровью жертв, сальными канатцами свисали до бёдер. Кончик обсидиана в последний раз отбросил злой блик, и нож вонзился в грудь ребёнка. Одним движением жрец высек бьющееся сердце и поднял над головой. Содрогающееся тельце унесли, на камень легло следующее. Рождённые с изъяном уходили из жизни первыми, уступая жизнь полноценным.

Голос Аклаинки, мой голос, заставлял трепетать сердца живых:

— Человеческая кровь даёт Отцу-Солнцу силу подниматься над горизонтом. Человеческое сердце, освобождённое из тела с изъязном, позволяет Богам оставаться Богами.

Ритуал продолжался до вечера. На закате под заунывное пение девственницы зажгли факела, собрали пробитые черепа и кости, очищенные от плоти. Повсюду росли цветы. Девушки сошли на восемнадцать ступеней вниз, минув анфиладу равнодушных идиолов. Резко запахло разлагающейся плотью. Стены подвала темнели, будто окрашенные кровью. На полу, мешая движению, пирамидами покоились черепа. Выше зарокотали, сперва тихо, затем усиливаясь и мешая соображать, удары барабана. Везде, куда падал взгляд, валялось золото. Большие, в человеческий обхват, шары с гравировкой. Фигурки животных. Ягуар в натуральную величину. Вроссыпь украшения, нефритовые стержни, несчётные драгоценные камни. Власть сил Тьмы и рабства Демона...

Из глюка меня вывела спастика. Я поёрзал, меня положение, и неуклюже свалился на пол. Хорошо, что со стульчака в туалете, не с вершины теокали. Ведь ещё живо чувствовались судороги извлечённых сердец. Меня стошнило на журнал репродукций Антона Мауве. Я едва успел приподняться на руках, как содержимое желудка устремилось наружу. Попытался позвать на

помощь, но литавры в голове грянули так неприступно, что заглушили мой голос. В горле запершило, будто меня вырвало царской водкой. Казалось, слово изрежет глотку в куски... В голове стучало... Безжалостная конская иноходь превращала мозг в кровавую жижу...

Глава 8. Конкиста — Высокородный дворянин из Боснии

Кое-где грязное месиво, похожее на кровавую жижу, прерывало укатанную дорогу. Лошадь, раз за разом вздрагивая и заодно отпугивая мух хвостом, понуро постукивала копытами о тракт земли басков. Что путнику на окольном пути — каменистом, запутанном, и всё же наезженном авантюристами разного толка? Зимние дожди превращали его в топь, летом дуновение ветра поднимало с обочин въедливую пыль. Кабальеро, с виду иноземец, наверняка знал, что в одиночестве на испанских дорогах несдобровать. Прогоня кишели разбойниками, беглыми каторжанами и прочим сбродом. О том свидетельствовали скелеты вьючных животных вдоль тракта вперемешку с их несчастными погонщиками. Но взгляда всадника из-под поблёскивающих на солнце очков не выдержал бы и отчаянный злодей. Светлые волосы и жёстко-куцая борода подчеркивали ужас

скверной физиономии, казалось, походя сеющей злобу и остервенелость. Вскоре путник приблизился к мосту, по дряхлости не уступавшему древнеримской постройке. К препятствиям топографическим добавлялись сущие каверзы на границах королевств. Арагон, Валенсия, Кастилия, Навара, Каталония — везде правил свой удельный предводитель. Местный король, обычно охочий до чужих песо. Опытным взглядом путник определил на противоположном берегу — двое неуклюжих охранников не в счёт — «потеху». Она пребывала в образе упитанного португальского еврея, и, рассмотрев путешественника, необычайно оживилась: светлые волосы всадника выдавали чистопородного славянина, а одежда и лошадь — знатный род. То и другое предвещало неплохую поживу. Ошибка, дружок — бывает.

— Дворянин — заруби себе на носу, — от менторского баса путника, казалось, волосы на голове сборщика королевских налогов зашевелились и слиплись в гребни, — не должен никому, кроме Бога.

Еврей, к чести, своей, сумев не выдать испуга, отвечивал надменным фальцетом:

— И короля.

— Какого такого короля? Перед тобой Перо Далипагич, высокородный дворянин из Боснии, — прорычал путник, впрочем, не имевший на этот

счёт ни единого подтверждения, — слишком много в последнее время развелось королей в Европе.

Впечатляющую крамолу слов усилило острие шпаги, взявшее на abordаж крючковатый нос сборщика налогов.

Немало наивных беженцев, пусть и не таких внушительных, стремилось поселиться в Испании и не платить налогов. Не тут-то стало. Охранники разделились, обходя всадника. Перо усмехнулся, если кто-нибудь осмелится назвать усмешкой волчий оскал берсерка¹, готового к атаке.

Охранник, заходящий слева, даже не успел рассмотреть свою смерть. Едва услышал тугой звон тетивы, когда арбалетный болт нарисовал лишнюю дырку в черепе. Второй вояка успел приподнять копьё, но Перо, ловко крутанув коня, оказался у него за спиной. Охранник удивлённо воззрился на острие шпаги, вышедшее из груди на дюйм, полюбовался рубиновыми каплями, бесславно сражавшимися с земным притяжением, и умер, не дождавшись результатов стычки.

Португалец скончался самостоятельно. Несчастный бросился с оголённым кинжалом на обидчика, но по неосторожности оказался так неловок, что напоролся на окровавленную шпагу.

Шею не в меру ретивого еврея украшала цепочка, скромный дар благочестивой супруги. Впрочем, в кошеле обнаружилось с десятков реалов,

всего этого вполне хватало на первое время. «Весьма недурно» — подумал Перо, присоединяя королевского сборщика налогов к длинному списку освобождённых тем же образом истцов. В список входили: безымянный секуляризатор орденских земель, за ним некий знатный боснийский мусульманин, какая-то многочисленная община богомилов, отрицавшая частную собственность и благополучно её лишившаяся, взбунтовавшееся стадо крестьян, спаливших поместье своего господина, но на беду повстречавшее маневрирующего против турецких воинов рыцаря — сильно проредившего и ряды бунтарей и ряды турок. Список полагалось продолжить десятком-другим обманутых женщин, но и упомянутого вполне доставало, чтобы понять, отчего скромный дворянин из Боснии оказался в величественной испанской империи, над чьей гористой территорией никогда надолго не заходило солнце.

Глава 9. Конкиста — Тонто, один из НИХ

Величественная картина гор со сверкающими на солнце вершинами казалась холстом живописца. Двигатель гудел ровно, джип без напряжения взбирался выше и выше. Вскоре миновали андские

туманы. За ними открылись просторы высокогорных равнин. В первозданности воздуха зрение обострилось, и можно было рассмотреть ближайšie, изнурённые штормовыми дождями, вершины. Скопище облаков всевозможно тёмных оттенков придавало ландшафту мистичность.

Альберто выключил кондиционер и открыл окна. Настала пора привыкать — в Параносе придётся провести долгие месяцы. Чуть погода показались заросли гинкго билоба, профессор Пинто оживился.

— Вот они, наши союзники, — констатировал Хайме, — между прочим, потомки древних папоротников.

Альберто согласно кивнул:

— Я пробовал цветочный настой ещё в студентах, заметно активизирует память.

Джип затормозил под зданием местной больницы. Трёхэтажной, жалкой на вид, но единственной в округе и поэтому вечно переполненной. Здесь ничего не изменилось. Кое-где в глубине парка блуждали поражённые недугом страдальцы. Здесь всегда всё неизменно. Но даже профессора Пинто, выдавшего виды доктора, устрасил воистину голливудский бред. Представилось: вокруг густо и бестолково слонялись «тонто» — так в городке величали горемык, разбитых болезнью Альцгеймера. И, как

по команде, они, словно враз учуяв здорового человека, повернулись, протянули руки и, монотонно подвывая, медленно двинулись к нему. Лицо его оставалось бесстрастным. Чему удивляться? О чём сожалеть? Они воспринимают происходящее, как нечто само собой разумеющееся. Вгляделся, лишь призрачная зависть окрасила их глаза, пробранные буйством.

Ничего подобного не произошло. Выдумка, короткое наваждение. Примыкающая к больнице площадь пуста. Люди с утра подались на работу — кто в поле, кто на текстильную фабрику. Лишь по одной из улочек зигзагами перемещался юноша. Останавливался, снова шёл. Тонто, один из них. Хайме почувствовал на себе взгляд Альберто.

— Что-то случилось, сынок?

— Нет... Показалось, что вы на мгновение исчезли.

— Я стал невидимкой? — поинтересовался профессор.

— Нет, вроде этого тонто, — ответил ассистент.

Ни намёка на шутку, но Хайме улыбнулся, глядя, как приближается юноша. Вне всякого сомнения, местный. Эталонный образчик нынешнего горца: джинсы, цветное пончо, набриолиненные волосы. Хранитель уникальных анатомических и физиологических характеристик

— низковат при плотном телосложении и кряжист. Не так уж неправ Альберто. В тонто одновременно и странно, и явно чувствовался человек не от мира сего, с душой, резонирующей безответности. Блеклое звено, вплетённое в окружающую явь — начало, продолжение и слияние с нею. Парень растерянно смотрел на незнакомцев — то на профессора, то на его помощника, пытаюсь осознать, кто они, и прежде, какое отношение он сам к ним имеет, как оказался здесь.

Хайме Пилар мягко взял его руку и, как можно участливее спросил, помнит ли он, где живёт. Лицо юноши осветила счастливая улыбка. Радостно закивал. Наказав Альберто заняться неотложными приготовлениями, профессор попросил тонто показать путь к дому.

Вскоре Альберто растроганно отвечал на приветствия коллег. Ему обрадовались, и он позволил увлечь себя в больничные недра.

— Доктор, вы ещё помните Марину Эрнандес? — с грустью спросила молодая медсестра, красиво краснея, — теперь она не может встать на ноги...

Альберто забыл, о ком речь, зато отлично помнил другое — во время предыдущего приезда, эта медсестра имела на него виды, но Хайме Пилар строжайше запретил отношения с местными жителями, помимо связанных с работой.

— Это и есть Марина Эрнандес, — печально вздохнула девушка, — на ноги стать уж не может...

Доктор взглянул на высохшую старуху, привязанную ремнями к креслу-каталке. Мужчина, сверкая смуглыми залысинами, тщетно пытался согнуть ей в локте руку. Рука заостенела, и он шептал что-то ласковое, уговаривая расслабить мышцы.

— Всего час гимнастики в день снижает риск контрактур, — подбодрил Альберто мужчину, но, заметив недоумение в его глазах, добавил, — увеличивает подвижность сустава...

И внезапно осёкся, узнав в окаменевшей старухе женщину, пышущую здоровьем всего год назад, её привёз в клинику муж, этот мужчина с залысинами.

Вспомнилось, как жутко смущалась сеньора Эрнандес, когда супруг рассказывал, что его жёнушка в последнее время по многу раз переспрашивает одно и то же. Профессор просил женщину постоять и попрыгать на одной ноге, затем с закрытыми глазами достать пальцем кончик носа. Вышло на третий раз. Когда бедняжка не смогла ответить, какой нынче год, стало ясно. Профессор нахмурился. Увы, у Марины Эрнандес — Альцгеймер. Скоро ей понадобится постоянный уход, и жить осталось недолго. Тогда Альберто предположить не мог — сколько. За год из

несчастной женщины вытекла душа.

Доктор положил руку на плечо мужчины. Тот даже не поднял головы, продолжая методично сгибать и разгибать локоть любимой. Медсестра, справившись с неловкостью, тронула Альберто:

— Люди узнали о вас! У них появилась надежда! Храни вас Господь! Во веки веков храни.

Если бы она знала.

Глава 10. Конкиста — Желаете испытать судьбу, сеньор?

Кто бы мог знать заранее! В Испании доблестный рыцарь Перо Далипагич не нашёл для себя земли обетованной, зато врагов нажил немало. Набрался мастерства у плутов всех мастей. Неистово играл в бабки в Мадриде, в экарте — в Толедо, сражался в пикет в Севилье. Здесь веселятся, там поносят Бога, ещё дальше сорятся и дерутся, но повсюду жульничают и воруют. Сегодня, после короткой стычки, он твёрдо решил покинуть империю, разбогатеть, вернуться обеспеченным человеком, чтобы прикупить потомственную идальгию. На случай, если она не будет пожалована за невероятную храбрость и достойные баллад подвиги.

На въезде в город Перо совершил непростительную ошибку. Залюбовавшись

гирляндой человеческих обрубков — останков четвертованных преступников, вывешенных на городской стене, прозевал приближение монаха. Эти солдаты инквизиции, словно гарпии, подстерегали путешественников, вкрадчиво интересуясь: «нет ли в вашем багаже еретических писаний, запрещённых Святой Церковью». Если таковые находились, путешествие заканчивалось. Если нет, требовали заплатить за проверку скромный взнос. Монах, встретившийся Перо, обладал молодым весёлым баском и, когда кабальеро решил отделаться монетой в су, решительно преградил дорогу. Но Перо благоразумно пожертвовал на дело инквизиции полноценный реал, заслужив заочное благословение Его Святейшества Папы из Ватикана.

Сиеста. У дворца в такое время никого не встретишь. Далипагич положил остановиться на постоялом дворе, а утром, отдохнув и подкрепившись, двинуться ко дворцу. Выходило: реал за постель и по реалу за еду и свечку.

Постоялый двор, приличный снаружи, внутри вызывал оторопь. Несколько оборванных нищих — то ли женщин, то ли мужчин, распивали вино, горланя похабщину. Перо спросил лучшего вина у брюнетки, с виду цыганки, а когда та отвернулась, чтобы исполнить заказ, не без удовольствия

проследил за вызывающей игрой попки, благодушно прикинув: «Похотливая сучка!».

На него косились, но зверская рожа в очках, вкупе с телом исполина, не позволяли мыслям, затуманенным алкогольной дрянцой, завладеть рассудком. Вскоре девка вернулась с бурдюком. В благодарной спешке Перо шлёпнул её пониже спины, вызвав интригующий смешок, и отхлебнул вина. Проглотить пойло, отдающее козлятиной, оказалось невыносимо. Ошарашенная девчонка приняла на себя кислый душ, перемешанный со слюной.

За подобное подношение бедняжке пришлось оплатить причинённый ущерб собственным телом. Далипагич взвалил её на шею и уволок в номер, где учил уму-разуму до утра. Проснувшись часам к одиннадцати, наотрез отказавшись жениться и даже подарить несколько пистолей, Перо, словно собака, отряхнулся от блох, покрывавших тело копошащейся коркой. Затем наскоро позавтракал мясным паштетом, почему-то отдающим мертвечиной. Наверняка на городской стене не окажется вчерашних останков, случись вернуться к главным воротам — в этом он мог присягнуть. Затем, одевшись, всё же сжалился и кинул несколько монет рыдающей девушке.

На выходе из постоялого двора доблестный всадник задержался на пару минут,

заинтересовавшись мясистой бабищей, вывалившей гигантские груди на нетёсанный стол. Поражали размерами соски, такие, что ими впору кормить телёнка. Перо решил проследить за развитием событий, но тут же разочарованно сплюнул. К столу деловито приковылял мальчонка с волосатым тельцем и грубоватыми чертами лица, обеими руками приподнял молочную необъятность и прикипел к чёрному соску.

Наблюдать завтрак мальчика стало скучно. Перо спешно покинул гостеприимное местечко. Среди приземистых, как один, и смуглых брюнетов, синьор Далипагич выгодно отличался статью и светлыми волосами, чем не преминули заинтересоваться встречающиеся на пути донны. Из ближайшей подворотни доносились вопли человека, умоляющего об исповеди. В воздухе, густом, как черепаховый суп, терпко пахло конкистой. Было хорошо.

Перо принялся, уступив дорогу даме, за нею на почтительном расстоянии следовали несколько торговцев сладостями. Лицо, шея, плечи и одеяние красотики представляли собой картину, предназначенную, по всей видимости, привлечь внимание. Поверх свинцовых белил без меры пестрели румяна. Красавица распространяла ароматы миндаля, несвежего белья и казалась решительной. Фигура смотрелась стройной, но не

за счёт природного изящества, а благодаря деревянным сандалиям на толстой подошве и пробковом каблучище. Когда Перо Далипагич явился во всей красе, обернувшись на призыв, пыл уличной стяжательницы поутих. Она мягко проворковала:

— Не угостите ли даму вафельной трубочкой с кремом?

В ту же секунду, торговцы сладостями, наблюдавшие за развитием событий, сунули боснийцу, едва ли не в лицо, свои лотки. Перо, подивившись фамильяности, всё же спросил:

— И почём?

— Всего экую за пять штукек, — в хор пропели торговцы.

— Убирайтесь прочь, — оборвал их Перо, равнодушный обычаю ни в чём не отказывать сеньоре, даже незнакомой. Его требование одинаково относилось и к даме, и к её свите. Оглядываясь, они поспешили удалиться.

Большая улица поражала воображение. Ловкость будущего наёмника позволяла уклоняться от снующих в обе стороны карет и всадников, но конь, купленный у басков за деньги несчастного мытаря, нервничал и порывался укусить какого-нибудь кавалера или его пажа.

Через главные ворота кабальеро попал во внутренние дворы. Спешился. Поручил коня

мальчишке. Огляделся. Сюда выходили окна залов и кабинетов Совета Индий, куда ежедневно случался набег авантюристов, искателей приключений со всей Европы. Целью боснийского дворянина было свести знакомство с капитаном, добивающимся милостивого соизволения на роту для отправки в Новый Свет. И он не заставил себя ждать. К Перо подошёл человек с живыми глазами и аккуратной эспаньолкой. Некоторое время рассматривал не внушающего расположения кандидата в наёмники, затем удовлетворённо крякнул и представился:

— Желаете испытать судьбу, сеньор? Капитан Маркос де Кордеро к вашим услугам.

— Перо Далипагич, боснийский дворянин. Желая присоединиться к опытному в военном деле человеку для весёлой конкисты. И чтобы поглубже в Индию, где ещё осталось, чем пожить.

— Толково сказано. Только что я получил высочайшее распоряжение собрать роту, погрузиться на одну из наших каравелл и отправиться к золотым берегам.

Подобные разговоры изобиловали во внутренних дворах королевского дворца. В Старом Свете хватало воинов-ветеранов, подобных боснийцу. Цель жизни этих людей пропала после покорения мавров. Нынче для них возродилась возможность применения профессиональных

достоинств. А главное, за тысячи километров от тесного материка конкистадор становился свободным от воли короля и притязаний церкви.

Своих денег ни капитаны, набравшие головорезов, ни сами головорезы не имели. Поэтому, получив слово дворянина от капитана де Кореро о выплате двух тысяч дукатов и доли добытых сокровищ по окончании предприятия, Перо вверил жизнь и шпагу испанскому конкистадору.

Ровно через месяц, оставив в слезах не одну юную деву и добавив работы бабкам-сводницам, практикующим восстановительную хирургию, босниец погрузился на корабль, отплывающий из порта Севильи. Позади оставалась империя, впереди маячили её американские владения.

Глава 11. Конкиста — Мама с папой, наверное, давно дома

Погибшие империи маячили в своих прежних владениях. Поглядывали на нынешних хозяев.

Доктор Альберто Ромеро двинулся дальше. Обход обители одиночества, и — ни одного живого взгляда. В тех глазах, где ещё не угасло сознание, читался единственный вопрос: «Мы знакомы?». Альберто на миг показалось, что это сон. Потусторонний и страшный. Не могут люди, в чьих

семьях на протяжении сотен и сотен лет слабоумие считалось столь же естественным, как смерть, продолжать и даже воспроизводить эту жизнь — рожать детей. Будто ничего необычного не происходит. Сосед, вышедший на улицу в непарных ботинках, удостоится сакраментальной фразы: «Пришла и его пора».

Доктору Ромеро представили юношу по имени Санчо. В свои семнадцать лет он принял главное в своей жизни решение — не жениться и не иметь детей. Альберто молча обнял парня. Именно таким людям они привезли предзнаменование, «благую весть». Разве не благо — вернуть им счастье.

Профессор Хайме Пилар Пинто проделал колоссальную работу, проследив родословные наследников генной мутации в цепочке нескольких поколений. Дальше ворошить метрические книги смысла не было. И без того ясно. В городке Параноес, высоко в горах, обитает самый многочисленный в мире род с наследственной формой болезни Альцгеймера. И предстояло начать дело, пока фармакологические компании сохраняли интерес к проекту.

Профессор Хайме вёл молодого человека домой. Парень почти уверенно шёл по улице — не выпуская руки профессора. Словно малыш, остерегающийся в незнакомом месте. Несомненно,

он вспомнил, где живёт, хотя полного просветления не наступило. Рудольфо Лара, так звали юношу, искал родителей — он потерял их недавно, «только что», рядом в горах. Папа нес его на плечах, затем что-то произошло. Отец превратился в ногу, мать — во вторую... но потом и вовсе исчезли. Рудольфо явственно почувствовал, что лишился ног, закачался, как на ходулях, и с тех пор ничего не помнил. Слезы мешали профессору рассмотреть в глазах парня налёт белковых отложений, парализующих мозговые ткани. Как разглядеть? Они ничтожно малы, но они там. Разбухают слой за слоем, превращая человека разумного в ком инфантильной плоти. Сознание постепенно затухает, подобно тающей свече с дрожащим на ветру фитильком. Когда же ветер ненадолго стихает, наступают минуты просветления, счастья. Человек, вернувшись в привычный мир, волнуясь, дарит родным ещё немного себя. Мать узнаёт сына. Сын вспоминает отца. Но никогда просветлённый не рассказывает, где пропадал столько времени. Вскоре вновь налетает ветер. Близкий, родной человек превращается в раздражительное, агрессивное, не способное внятно говорить и понимать, существо. И дальше — в растение.

Профессор десятки лет занимался проблемами наследственного слабоумия, и всё не мог привыкнуть к его безжалостности. Он смахнул

слезу, но поймав солнечный отблеск, крепко зажмурился. Открывать глаз не хотелось, уж очень забавным оказалась зрительное послевкусие — несколько поразительно гибких ягуаров, сцепленных поводьями, влекут колесницу к солнцу. Невероятно красиво движутся, но внезапно тормозят, будто наткнувшись на преграду. Один из них, самый крупный, оборачивается к Хайме, прикладывает лапу к оскаленной пасти. Будто призывает к молчанию. Затем поводья дёргаются. Это Рудольфо, уставший стоять посреди улицы, тащит профессора за руку, призывая идти.

— Уже недалеко, — нетерпеливо говорит он, ускоряя шаги, — мама с папой, наверное, давно дома. Они ужасно волнуются и станут меня ругать. А им совсем нельзя нервничать, иначе они теряются и не находят дорогу домой.

— Да, конечно, сынок, — успокаивает Хайме, едва поспевая за парой молодых ног горца.

Глава 12. Конкиста — Богат не именем, но честью

Едва успели с высадкой, как появившиеся туземцы попытались досадить гостей стрелами, но увидав бешено ревущего боснийца в очках и верхом на невиданном доселе чудовище — коне, сбежали в лес.

Джунгли не желали привечать незваных гостей. Ощетинивались, строили козни. Дело пошло легче, когда к отряду прибился туземец Кумару, неплохо справляющийся по-испански. Простодушный, как младенец, он признался, что сбежал от испанского воинства, собиравшегося его повесить. Причина была резонной: ночью непутёвый индеец, решив задобрить новых Богов, убил носильщика, индейца из другого племени и его кровью залил Святой Лик Девы Марии с младенцем. Сердце нанизал на верхушку креста, а почки развесил по обе стороны. Честно исполнил религиозные традиции своего народа.

Капитан Маркос, ярый католик, державший конкисту за крестовый поход, услышав историю, велел свершить вынесенный земляками приговор. Но Перо уговорил отдать туземца ему. На всеядного боснийца, не скованного фанатизмом веры, святотатство над статуей Девы впечатления не произвело. Зато сносящийся по-испански индеец мог весьма пригодиться в будущем.

Вдохновлённый повторным спасением, Кумару ночью подполз к хозяину и при свете угасающего костра поведал удивительную историю.

Высоко-высоко, где женщины безгорья рожать не могут, живёт странное племя «паиса», не подчиняющееся Королю Солнце, Великому Инке.

Здесь Перо сделал первую зарубку в памяти — раз племя не платит налоги Инке, значит, там скопились бесчисленные богатства. Далее Кумару поведал, что многие дети в племени рождаются с необъяснимым изъяном, «Ключом Божьего города». Мальчиков, родившихся с изъяном, жрецы приносят в жертву богам. Девочкам оставляют жизнь и содержат в охраняемом поселении. Здесь босниец сделал вторую и третью зарубки. Во-первых, куча баб без охраны. Во-вторых, не этот ли город, где, как гласила легенда, среди садов с золотыми фруктам жили Девы Инки. Выслушав байку, бравый конкистадор под страхом смерти запретил Кумару рассказывать её ещё кому-либо. Индеец поклялся. Перо, довольный и возбуждённый пошёл по нужде, а индеец долго смотрел немигающим взглядом вслед огромному белому человеку с таинственными стёклами на глазах.

Боснийцу оставалось ждать удобного момента, чтобы покинуть отряд, не попрощавшись. Случай подвернулся, но в неудачное время. Из-за изнуряющей жары доблестное крестовое войско страдало от нарывов на теле, Перо же умудрился отрастить чудовищный чирий на ягодице. Посему его отбитый, бесчувственный к верховой езде зад, теперь доставлял в седле невыносимые муки, и продираться сквозь колючие заросли пришлось

пешком. Ни доброе вино, ни пойманные туземки, дружно отпользованные отрядом, а затем скормленные собакам, не смогли поправить настроения страдающего конкистадора. Да и сама конкиста оказалось делом, если и опасным, то не весёлым. Солдаты целыми днями упражнялись в обращении с аркебузой и мушкетом, но настоящего дела не находилось.

Капитан, хмурый в последние дни из-за скудной добычи, отвёл боснийца в сторону и обрисовал ситуацию:

— Если так пойдёт дальше, люди взбунтуются. Несколько разграбленных деревушек положения не спасают. Нужен жирный куш. Посему посылаю в разные стороны разведывательные партии, во главе их нужны достойные люди. Дворяне!

— Богат не именем, но честью! — с пафосом воскликнул Перо, обрадованный неожиданно подвернувшимся решением проблемы, — я не подведу, капитан Маркос де Кордеро. Перед вами человек, имеющий в жизни две страсти — сражение и жажду победы.

Несмотря на фурункул, доставлявший мучения и неудобства, Перо Далипагич понял, что настал его час и развил кипучую деятельность. Вскоре его маленькая армия подготовилась к восхождению. Капитан, как нельзя кстати, избрал

для боснийца горное направление. Партия состояла из четырёх всадников в стальных доспехах, шести пеших солдат, вооружённых мечами и аркебузами и толмача Кумару.

Отсалютовав шпагой, Перо исчез в густых зарослях, увлекая за собой воинов. Капитан Маркос совершенно неожиданно для себя пожалел неразумных язычников, встретившихся на пути страшного боснийца. Уж очень у него зверская физиономия. Откуда доброму идальго де Кордеро знать о чирии, причинявшем боснийскому дворянину нестерпимую боль.

Глава 13. Конкиста — Знали, узнавали и впускали в дом

Нестерпимую боль причиняли старческие суставы. Но мысли Хайме, спешившего за Рудольфо, потекли в ином направлении. Роща гингко билоба, правильными кругами окружавшая Параноес, казалась насмешкой судьбы. Для лечения болезни Альцгеймера используются препараты, приготовленные из листьев этого дерева. Ботаники не смогли дать вразумительного ответа, откуда, а главное, когда, появились здесь гингко. Нигде на континенте не встретишь их дикорастущими, кроме окрестностей Параноеса. Загадка природы или Божий промысел? Четыре года назад профессор

научил жителей постоянно употреблять гингко билоба, перетерев в порошок высушенные листья. Наблюдался положительный эффект, но всё же жалкий против наследственной формы недуга.

Рудольфо резко остановился. Хайме, не ожидавший подвоха, налетел на него грудью. И оба, всё ещё держась за руки, потеряв равновесие, поскользнувшись, упали в грязь. И тотчас к их возгласам присоединился вопль, казалось, заставивший вибрировать предметы в округе.

Девочка-ягуар — вся кожа её выглядела пятнистой — перестала визжать, поняв, что все в безопасности. Хайме тоже достался её благодарственный поцелуй. Потом они пили терпкий колумбийский чай. И Тринидад — Трини, как она велела себя называть, поведала историю семьи. Пятна ягуаровой кожи, казалось, притягивали чахлый свечечный свет, тонкий голосок будоражил душу. Дедушек и бабушек ни она, ни Рудольфо не застали. Отец матери погиб в драке, его жена скончалась от слабоумия. Родители отца одновременно перестали узнавать родных, а от чужих людей отказались принимать пищу. Умерли, не дожив до сорока пяти.

— Всё это, — девушка-ягуар обвела крошечную комнатку рукой, — осталось от наших родителей.

Доктор Пилар быстро вычленил то, что

скрывалось за кошачьим величием Тринидад. Предохранительные замки на окнах. Обыденные предметы, украшенные записками, как их использовать. Два стареньких кресла-качалки друг напротив друга со свисающими ремнями.

Хайме явственно представил двух нестарых ещё людей, сидевших друг напротив друга. Иссохшие тела. Пустые взгляды. Девочка-ягуар качает отца, брат — мать. В редкие минуты обоюдного просветления взгляды встречаются. Тогда жалостливые улыбки освещают ужас обтянутых кожей черепов. Мать закрывает глаза, отец тоже. «Не хочу, чтобы ты меня видел такой». «Не хочу, чтобы ты видела меня таким». «Скоро встретимся там», — шепчут они, не посвящая детей в свою тайну. Что предстоит детям? Дай им Бог сил. Дай терпения.

На кухоньке крошечная глиняная плошка, словно по недомыслию лишённая цвета. Рядом пестик для измельчения пищи. Пригодится, когда наступит последняя стадия. Но обычно здесь до неё не дотягивают. Хайме не осуждал семьи, просившие прервать принудительное кормление родных. Оно оскорбляет человеческое достоинство — и тех и других. И тогда из горла людей, пожираемых одиночеством, достают трубку. Через неё, как гусям на откормке, в желудок вливали питательную смесь.

— Теперь черёд брата, — Тринидад тронула профессора за руку, выводя из задумчивости, — за ним, за Фофо — я. Это всё, что у нас есть.

В этом «за Фофо я» собралось столько смирения и неизбежности, что Хайме неожиданно для себя почувствовал ярость, рвущую сердце. Удушающий гнев захватил всего, доминируя над мозгом. Хайме, не помня себя, сдавил запястья девочки-ягуара и клятвенно зашептал о проекте, миллионах долларов, кислотной пище, сушёных листьях гингко, уксусных обтираниях и почему-то о доме, где никого нет.

Когда же он отпустил руки Тринидад, на коже отпечатались пальцы. Трини, девочка-ягуар, шумно втягивая воздух, вздрагивала. Принюхивалась. Как будто узнавала.

Если бы кто-то помог узнать! Тогда все увидят.

Потянулись липкие, словно каучук, дни. И ночи. Хайме Пилар Пинто метался между работой над проектом и домом Лара. Часто ловил на себе странные взгляды ассистента, уверенно относя их к особому уходу за Фофо. Плевать. Больше огорчали Хайме звериные глаза девочки-ягуара, наполняющиеся жалостью всякий раз, когда она смотрела на него. Она понимала, что творится в его душе. Девочка-ягуар не просила подсказок, чтобы видеть. Не нуждалась и в медицинском

образовании, чтобы понять — дни скрупулёзно сосчитаны. Рано или поздно слабоумие накроет сознание слоем вулканического камня, никому не докричаться. Если профессор и оценивал шансы в пятьдесят процентов, то ей до этого не было дела.

Хайме утопил Рудольфо в патоке усердия и забот. Не брезговал мельчайшими крупичками опыта, накопленного медициной в лечении недуга. К препаратам, улучшающим мозговое кровообращение, присовокупил всё те же измельченные на бесцветной площадке листья гингко билоба. Даже витаминные уколы профессор делал сам. Даже пищу, учитывая особенности кислотного режима.

Вечерами по-звериному чувствительная Тринидад забивалась в дальний угол, смутно роптала оттуда, воровато кося оранжевым зрачком. Но Хайме не обращал на неё внимания, тщательно протирая тело юноши комком ваты, смоченной в уксусе. Фофо не обращал внимания на прикосновения. Он ко всему оставался безучастным.

Через два месяца появились положительные сдвиги. Приотворилась память, затеплился огонёк в глазах. Трини расцвела. Кто ещё не применёт воспринять человека в жалких радостях и забавных горестях? Разве что, он сам!

Дни Хайме с Альберто проводили в больнице.

Сверяли анализы крови, тесты на функции мозга, сопоставляли, анализировали, искали расшифровку совпадений. Вечером, каждым вечером, Хайме Пилар, усталый, но одухотворённый, добирался по улицам Параноеса, отбелённым луной, к дому Лара. Там оставался на ночь. Иногда, встретив заплутавшего тонто, возился с тем до утра, стуча в случайные двери. Профессора знали, узнавали и впускали в дом.

В преддверии того рокового дня Фофо заснул, просветлённый под колыбельную девочки-ягуара:

— Летают по ночам на злых ветрах души мёртвых, похожие на птиц. Крик этих птиц о смерти живых. Но они не вещают — молчат. Хохочут осколки синего неба над уцелевшими лоскутами цветов. Не смейте хоронить, пока не сосчитаете все метки тления. Люди паиса могут спать годами. Спи, мой мальчик, я тебя не оставлю...

Хайме убедился, что Рудольфо дремлет и без предисловий предложил Трини присоединиться к эксперименту. Вспышка ярости стала сюрпризом. Лара Тринидад ответила так:

— Я, сеньор доктор из Испании, намереваюсь завести семью и родить детей. Меня ожидает столетие счастливой жизни. Либо один год. Но он будет только моим годом. Копайте червей в ином месте.

Некоторое время Хайме молча сидел и разглядывал палец, указывающий на дверь. Затем стало ясно, что опускать его вниз не собираются. И тогда Хайме встал и вышел, ошарашенный и униженный. Но, когда решился войти чтобы извиниться, не нашёл двери. В назидание непрерывной преградой высилась каменная кладка, не скрепленная, как принято в высокогорном строительстве, цементом.

Профессор — он мог поклясться — не ступил и двух шагов, покинув дом Лара. Поразмыслив, он двинулся вдоль стены, справедливо полагая, что всё в нашем мире, а уж точно стена, обязательно закончится. Где-нибудь или когда-нибудь. Действительно, вскоре появилась ободряющая надпись, изыск граффити: «Могущий и желанный». Он, несомненно, находился на верном пути. Сосчитал ровно семь сотен шагов, когда обозначился проход в стене, ничем не прикрытая арка. По своду её змеилась вязь немыслимых слов: «Царствие — то, где власть двуглава: она творение, она и желание. Там ищи жизнь, одинокий мастер. Пробейся сквозь кружева негодования и любви. Тот, кто проникнет свободно по собственной воле, распознает цвет песен невиданной птицы».

Ну что ж, пригласили войти — и вошёл.

Глава 14. Конкиста — Белая ночь!

Белая смерть!

Незванных гостей вовсе не приглашали, но они пришли. Дерзкое в сравнении с силами, расчленяющими мир, войско взбиралось выше и выше в горы. Раб рабски признавал, а точнее смертельно боялся своего господина. «Высокородный доминос» — так Перо Далипагич в отсутствие капитана велел величать себя. Сам же следовал за проводником туземцем, ничуть ему не доверяя. Доказательством служил железный обруч, скованный вокруг шеи Кумару. К обручу крепился кожаный ремешок, второй конец не выпускал из рук сам дон Далипагич. Окружающее пространство давно отказалось напоминать конкистадорам о земном рае. Даром что зеленели кроны деревьев, сплетаясь в изысканный, парящий в воздухе навес, едва пропускающий лучи солнца. Прерывистые из-за постоянного ветра потоки света, просачиваясь сквозь листву, навевали запретные воспоминания о колдовстве и языческих обрядах. Или это были видения. Нереальные стаи гигантских бабочек нежничали, вызывая священный ужас. Облако омерзительных насекомых налетело, вдруг перекрыв видимость, но тут же раздалось в стороны, презрительно пропустив стрелу. Мгновение спустя раздался вопль Кумару:

— Белая ночь! Белая смерть!

Перохватило взгляда, чтобы понять, о чём кричит раненый. Рахитичной, мертвецки белой медузой растекался под кожей предплечья яд. Промедление исключалось. Боснийцу в похождениях по Европе не раз приходилось зализывать оружейные раны. Недолго думая, он ухватился за древко стрелы. Потянул. Не тут-то было! Упёрся ступнёй, поднатужился, крикнул, выкрикнул: «Сантьяго!» и вырвал смертоносный стержень с боевым оперением, с куском кровоточащей плоти. Кумару скрипнул зубами, выщербливая эмаль, но не проронил ни стона. Лишь взгляд, устремлённый на место, где только что торчала стрела, казался до непристойности изумлённым. Слово проводник достоверно знал — смерть предназначалась другому. Тому, кто сейчас спасал его жизнь, поспешно разводя костёр.

Едва первые языки пламени осмелели настолько, что поднялись над срубленным стволом, Перо погрузил в них пару кинжалов. Шестеро испанцев обездвигили раненного, оставив ему возможность лишь дышать. Сталь постепенно меняла цвет. Лекарь поправил запотевшие очки, затем, особо не примеряясь, приложил раскалённую сталь по обе стороны вспухшей руки. Жар прожёт плоть насквозь, изгнав проникшую в тело «Белую ночь».

Насмерть оскорблённый испанцами,

посмевшими усомниться в мужестве, инки, Кумару «замёрз». Рождённый в плоском аде высокогорья, гордо носивший расшитую золотом накидку поверх набедренной повязки и плащ из шерсти ламы, принявший тяжёлые серебряные вставки в уши — явил бледноликим медную неподвижность лица.

Никто на склонах Кордильер со времени их создания Высшим Существом Виракоча не наблюдал столь упорной человеческой общности, устремлённой вверх, презирающей — вопреки шансам выжить — опасность. Однорукий проводник с лицом в морщинах-ущельях. За ним гигант — светлые локоны до плеч, обрамляющие вовсе не ангельскую физиономию, кругляки очков, привязь, удерживающая проводника. Далее шестеро солдат, вооружённые аркебузами и мечами. Замыкала шествие четвёрка двуголовых существ, закованных в стальные доспехи. Они с изящной небрежностью перемещались на четырех ногах, спереди увенчанных огромной первой головой, позади — хвостом, разгоняющим мух. Вторая, верхняя, голова отдалённо напоминала человеческую. Так могли видеться туземцу всадники на лошадях. Воинственная процессия голодной черепахой поглощала великую горную цепь, питаясь туманом и дождевой зеленью. Запивала ледяным, вырвавшимся на свободу дыханием ущелий, прорезанных в скалах

невидимым божеством.

Кумару сознательно избегал главных дорог Инки, таких широких, что в ряд могли скакать шесть лам. Миновал города, блестящие золотом на многие километры вокруг. Испанцам сквозь дымку влажных испарений достались дрожь миражей и нечёткие пятна деревень, защищаемых многочисленными воинами. Бурлящая неуёмная жизнь не подозревала, что скоро, очень скоро эти места станут называть в неподдельной тоске печальными землями.

То, что с берега казалось красивым, маняще исчезающем в дымке, на поверку оказалось трудно одолжимыми препятствиями. Но проводник продолжал настаивать на обходных путях, справедливо утверждая, что столь малый отряд не выдержит серьёзной стычки. Тайное селение же практически не охранялось. Никому из подданных Короля Солнца не придёт в голову добровольно появиться в таком месте.

Невероятно трудно увидеть себя со стороны. Обладая дон Далипагич подобным талантом, ему могло показаться, что хитроумный жрец ведёт вереницу обречённых на жертвенное заклятие. Словно загипнотизированные белые люди далёкой Европы слушали неспешный рассказ Кумару о сказочном месте. Высящемся, как небесный купол. Недоступном, как луна. Месте, где золота и серебра

больше, чем бабочек в империи Инка.

Так они шли восемь дней, останавливаясь на сон и приём пищи. На редких привалах Перо вместе с солдатами приходили в себя, изумлённо вертели головами, пытаясь припомнить, где находятся, а главное почему. На девятый день конкистадоры увязли в девственных зарослях, преодолевая за час не более километра.

Неожиданностью стал оголённый участок земли без намёка на растительность. Ни травинки. Цвет земли казался синевато-чёрным. Но вскоре вовсе иссяк — его хватило на полёт стрелы. Перо остановился поражённый, если не сказать, испуганный. Впереди снова подступали джунгли, состоящие из деревьев одного вида, природу их не взялся определить никто из присутствующих. Первый ряд представлял собой огромные, в несколько десятков метров стволы, выкорчеванные из земли и перевёрнутые корнями вверх. Жуткое зрелище — полукружье деревьев, устилающих кронами землю и вперивших корни в небеса. Будь ты кем угодно — боснийцем, испанцем или русом — послание хозяев здешних мест непрошенным гостям виделось угрожающим. Туда не надо ходить. Не смейте. Кумару беспрестанно шептал молитвы. Три полновесные затрешины с трудом привели его в чувство. «Серебряный абрикос» с ужасом называл деревья туземец. Перо осматривал странную рощу,

находя её всё более устрашающей. Когда-то деревья росли ровными кругами, на расстоянии одинаковых метров друг от друга. Молодая поросль превратила путь в непроходимый.

Глава 15. Конкиста — Сколько времени длилась какатония?

Путь казался покрытым непроходимыми зарослями. Хайме попытался ущипнуть себя, но тут же вскрикнул от боли. Ощущение нереальности не проходило. Что-то резко менялось в его ощущениях. Не поддавалось описанию, профессор почувствовал себя лет пятнадцати. С лёгкостью тела вернулась лёгкость души. Он шагнул в арку.

Сельва принимала гостя. Постепенно, словно губка влагу, душа впитывала телесную невесомость. В ясную, безусловную ткань сущности пятидесятилетнего учёного вплелась серебряная нить изумления. Рядом блеснула золотая — первой влюблённости. Постепенно чередуясь серебром и золотом, его наполняли: неконтролируемая смешливость, слёзы истового умиления и юношеской лени, горделивость немнущейся стали в эрегированном петагре, девственный оргазм, излившийся россыпью мраморной крошки и, наконец, откровение беспорядочной чувственной радуги.

В голове метались пыльные смерчи, пляшущие на ветру. Первое движение бросало вызов шагу первого человека на Луне. Затем ещё несколько, и Хайме Пилар понёсся широкими, покрывающими пространство, скачками. На пиках взгляд его скользил над кронами деревьев, тогда он видел чудный город из чистого золота. Путь лежал к нему. Каждый шаг-полёт рождал чётко отмеренные чувства. Это было волшебное и непередаваемое, столько желанным выглядит Рай из охранных башен Ада.

Мир сроя с «я». Я — расплакался. Я — рассмеялся. Я — ступил на морской берег. Я — остановился. Я — вместе мир и я, профессор Хайме. Два неизвестных тигра молнией сорвались с места, будто вечность дожидались случая. Звери, урча, пролезли меж ног профессора, но едва тот, слегка поёрзав, удобно расположился на переливающихся мышцах спиных, рванули с места. В мгновение оказались на ином берегу. В то же мгновение Я — ослеп. Невидимый бог без устали лупил нефритовой булавой по золоту вечного города Великого Инки. Голова булавы — одинокая звезда по имени Солнце. С каждым ударом высекались мириады ослепительных искр. Падали, исчезая, звёзды.

Тигры осторожно опустили Хайме Пилара на твердь и склонили морды перед двумя львами

чистейших королевских кровей. Гривы на неподвижных телах, сотканые из тысячелетних наречий, струились красноречивыми волнами вокруг сосредоточенных ликов. С алебастровых зубов капали, сверкая гранями, алмазы запасённой слюны. Царственные звери узнали гостя и отрицательно покачали мордами. В тот же миг Я — вновь оказался на тиграх, возвративших Меня на Мой берег.

Эйфория перевоплощений не отпускала ни тела, ни души. У арки, преграждая выход, витал невзрачный бог Виракоча с огромной головой, окружённой нимбом — путаницей лучей — ягуаров, ужасающих гибнущий мир:

- Хайме Пилар Пинто!
- Благородный профессор!
- Звания излишни!
- Родословную!
- Хайме Пилар Пинто!
- Потомок Аклаинки!
- Избранной из всех!
- Время настало!
- Объятия излишни!
- Храни протоптанный путь!
- Вечность не наступила!
- Дороги назад нет!

Отяжелевший Виракоча пропустил сквозь себя каждое «Я». Божественная плоть возымела

основу, и мир сотрясла дьявольская вибрация.

— Хайме! Хайме! Хайме! — тряс шефа за отвороты рубахи Альберто, выкрикивая его имя, словно одержимый.

— Да, прекрати, ты, — Хайме Пилар оттолкнул назойливого ассистента, всерьёз опасаясь за его здоровье.

Тот по инерции сотряс воздух ещё несколькими пронзительными «Хайме», затем прикипел к коллеге глазами, полными слёз.

— Слава Богу, — выдавил он из себя и окончательно разрыдался.

Профессор Пинто завертел головой, опасаясь свидетелей истерики врача, специалиста по душевным расстройствам. Так и есть. На них, насмерть перепуганная происходящим, смотрела Тринидад.

— У него нервный срыв, — Хайме неумело попытался оправдать рыдавшего доктора.

— Это я позвала его.

— Куда?

— Сюда, — когда вы выбежали за дверь, я бросилась вслед, но было уже поздно. Вы окончательно замёрзли.

— Не понял, — профессор действительно ничего не понимал.

— Простите, но так у нас, здесь в горах, называют людей, переставших реагировать на всё.

Лишь после этих слов Хайме начал кое-что понимать, пытаясь сопоставить странные видения наяву. С трудом отстранив от себя Альберто, он строгим, деловым тоном поинтересовался:

— Доктор Ромеро, сколько времени продолжалась кататония? Гм, моё психическое расстройство?

Тон подействовал. Альберто, всхлипнув напоследок, взял себя в руки. Выяснилось, что действительно девочка-ягуар последовала за профессором, когда тот покинул дом. В двух шагах от двери она обнаружила его в довольно плачевном состоянии — выкрикивающим с равнодушным взглядом бессвязные слова. С губ стекала тягучая слюна. Трини попыталась привести беднягу в чувство, но безуспешно. Тогда девочка-ягуар побежала за доктором. Тот, всполошённый, мгновенно бросил текущие дела и побежал за подростком, за перепуганным пятнистым зверьком. На этот раз текущие дела заключались в освидетельствовании смерти Марины Эрнандес. Профессор полностью пришёл в себя лишь после того, как доктор Ромеро сунул ему под нос пузырёк с нашатырём.

— Вы обязаны пройти комплексное исследование, дорогой мой Хайме! — горячился Альберто.

— Включая резонансную томографию? —

улыбнулся Пинто.

— Не шутите так, — не принял иронии Альберто, — лучше меня знаете, что подобные комплексы не отыскать в радиусе сотен километров.

— Так и есть, — согласился Хайме.

— Профессор, — ассистент вновь заволновался, — вы очень бледны. Как себя чувствуете?

— По правде сказать, немного кружится голова.

— Трини, помоги мне, — попросил Альберто, ухватывая коллегу покрепче под локоть.

Пятнистый зверёк Трини вцепилась в профессорскую руку с другой стороны. Вдвоём они препроводили больного в дом и уложили на кровать. Хайме блаженно прикрыл глаза. Силы, потраченные на чудесное путешествие, постепенно возвращались. Из гостиной доносились приглушённые голоса:

— Доктор Альберто, точно так начиналось у родителей, у Фофо и у доброго десятка соседей.

— Не волнуйся так. В мозговых клетках профессора бушует интенсивнейший мыслительный процесс, и никакая зашлакованность ему не грозит. Представь себе горную речку. В таком потоке вода несёт камни и никогда не зацветёт.

— Всё же уговорите его провериться на тестах.

— Непременно, Трини, не волнуйся. Я сделаю всё, что нужно.

Хайме бессильно застонал. Если бы они знали. Если бы они только знали. Но надо держаться, нерожденный невидимый бог ясно предупредил: «Хочешь вернуться — молчи». Рождённые с изъязном уходили из жизни первыми, уступая жизнь полноценным. А местные «тонто»! Свидетели полагают, что в минуты просветления тем попросту не о чём рассказать. Кто по собственной воле лишит себя пропуска в Рай?

На стон прибежала девочка-ягуар со стаканом воды. Приподняла голову, лизнула в нос, поднесла стакан к губам. Напоила. Хайме блаженно открыл глаза. Ободряюще улыбнулся. Поблагодарил взглядом и отвёл глаза. И тут его зрачки налились ужасом, изо рта вырвался вопль.

Глава 16. Конкиста — Есть нечто, объединяющее всех

Зрачки его наполнились неподдельным ужасом, когда Перо чувствительно дёрнул за ремешок:

— Что за дерьмо, раб?

Голова туземца так сильно запрокинулась

назад, что говорить он сумел не скоро. Тем временем «дон Перо», как все теперь величали командора, приказал остановиться на привал, предчувствуя скорое окончание похода. Он не ошибся.

Отдышавшись, Кумару прояснил положение. Серебряный лес раскинулся в переходе трёх стрел, так что очень скоро милостивые сеньоры станут несказанно богаты. Позволив людям отдохнуть, Перо приказал отряду проверить снаряжение и облачиться в доспехи. У кого они были. Остальные обходились амуницией из плотного стёганого хлопка. Удовлетворившись осмотром, командир приказал строиться в боевой порядок и двигаться вперёд. Но вскоре лес стал настолько густым, что строй рассыпался. Как будто потемнело. Далипагич посмотрел вверх. Небо отсутствовало. Вместо оттенков синего — глубина зелёного. Одно успокаивало — Кумару на поводке двигался уверенно. Взволнованный было Перо, успокоился. Показался невысокий частокол, за ним множество глинобитных хижин, крытых соломой. За спиной дон Далипагич услышал недовольный ропот. Конкистадоры не понимали, для чего, рискуя жизнью, прошли невероятное расстояние. Где гигантские башни, нафаршированные драгоценностями? Где здания, инкрустированные самоцветами? Где золотые деревья? Мираж,

навеянный рассказами Кумару, действительно оказался сказкой. Золотом здесь не пахло.

Перо, оглушительно чихнув, невольно прервал ропот. Несколько туземных воинов, стоявших у хижины, подняли щиты и свели копья боевым захватом. Испанцы же, посчитав звук, изданный командиром сигналом к атаке, ринулись в бой. Боснийский дворянин бежал так, что обогнал лошадей. Поэтому первым, кого увидели несчастные защитники селения, оказался гигант в очках на перекошенной в воинственном пылу физиономии. Индейцы в ужасе побросали оружие, и атакующим оставалось лишь прикончить малодушных.

Перо ворвался в хижину. У тлеющего очага грелся древний, как горы, старик. Высохший, почти мёртвый, обряженный в красное. Богатым оперением на голове он напоминал колдуна. Перо вытащил его на свет, самолично привязал к центральному столбу, но спешить не стал. Не следует забывать азы воинской науки. Несколько солдат отправились на осмотр деревни. Внутри ещё менее привлекательной. Деревня напоминала опустевшую раковину.

Куда делись жители, предстояло узнать у хмурого старика и предателя Кумару, затащившего отряд высоко в горы, лишившие возможности поживиться. Также предстояло выяснить, не

припрятано ли где золото и было ли оно вообще. Кумару, привязанного к тому же столбу, допросили вначале. Поганец продержался несколько минут. Перо не усердствовал:

— Ты говоришь, я слушаю, — произвёл длинный надрез на животе индейца.

То, что вывалилось оттуда, развесил на копьях, воткнутых в землю на разную глубину и на различном удалении. Получилось нечто похожее на мадридские гирлянды. Вид собственных кишок чудесным образом разговорил обычно молчаливого Кумару. Он признался во всём. Прежде всего в том, что был не только знатным сановником из ближайшего окружения Инки, но и его близким родственником. Сначала Великий позвал Кумару к себе. Долго смотрел в глаза, затем, не объясняя замысла, велел привести кучку испанцев в горную деревушку. С точки зрения самого Кумару, по причине тривиальной. Так Инка поступал с любыми пришельцами. Те пускали корни и никуда не уходили. Что хитрить, далее за столь коротким, но не информативным откровением, следовали одни причитания. Перо поэкспериментировал с расстоянием между копьями, растягивая требуху недавнего проводника, но тот не знал более ничего интересного. Пришлось заправлять кишки обратно и шить надрез грубыми нитками. Убивать предателя, не допросив старикашку, было не умно.

Босниец заставил Кумару выпить целый бурдюк разбавленного вина, чтобы не слышал второй части допроса. Вот это точно было опрометчиво, ведь переводить беседу оказалось некому. Спящим индейцем, что мёртвым, попользоваться оказалось невозможным. Перо выставил часовых и, не теряя времени, улёгся тут же у столба, подложив под голову седло.

Когда Кумару очнулся, босниец продолжил допрос.

— Великий жрец Шомер Маавар, — переводил заплетающимся языком измученный индеец, — просит не причинять боли его телу. Он расскажет всё, что интересует чужаков.

Дон Перо на развод не поддался — не на того напали — и приказал разводиться огонь. Когда нож раскалился до необходимой температуры, Перо слегка подбодрил желавшего говорить Шомера. Обгоревшая кожа на пятках лопнула, обнажая кровоточащее мясо, и старик завизжал словно девка. Перо дал ему некоторое время успокоиться и задал первый вопрос:

— Где спрятано золото, старый ты горный козёл?

Старик залепетал нечто невообразимое, то ускоряясь до клёкота, то замедляясь до воркования. Один из испанцев, участвовавших в экзекуции, легонько ткнул Кумару острием шпаги в бедро. Тот

вспомнив о своих обязанностях, принялся за перевод. Старик явно темнил:

— Всё началось в день, когда надолго исчезло солнце. Люди готовились к страшной смерти, холод убивал всё живое. Охотники перестали охотиться, жрецы приносить жертвоприношения, дети — расти, женщины — рожать. Потом пришёл тот, в чьей власти изменять. Он, появившись из гигантского источника, внушил страх и преклонение. Того, в чьей власти изменять, жрецы объявили белым человеком, венценосцем божьего сословия — ибо он творил чудеса. Превращал равнины в холмы, а холмы в горы. Из голой скалы исторгал ручьи. Люди паиса называли его Творцом вещей, Началом, Отцом Солнца. Отец Солнца учил людей жить, увещевал с любовью. Призывал быть праведными и не делать друг другу того, чего не желали себе. Но пришло Время, Творец расстелил плащ на озёрной глади и поплыл на нём далеко — на шаг впереди карающих. Вскоре в воде поднялось пламя. Гром гремел так, что пики вершин сталкивались друг с другом, а небо роняло пепел, чёрствый, как кора деревьев.

Перо зевнул во всю глотку. Очки сместились на кончик носа. Конкистадор осторожно снял их и протёр чистой тряпичей, извлечённой из кожаного мешочка. На старика, считавшего очки неотъемлемой частью лица своего учителя, сие

безобидное действие произвело сильнейшее впечатление. Он прервал повествование, взвизгнул, и поспешил схитрить, укрывшись за ширмочкой обморока. Но опытный наёмник оказался начеку. Раскалённое лезвие клинка, предусмотрительно гревшееся на огне, вновь коснулось израненных пяток. Шельмец мгновенно пришёл в себя. Вернулся к своему никчемному рассказу, впрочем, вызывавшему у Перо, обделённого в детстве сказками, некое подобие симпатии.

Старец вещал так:

— После ухода Отца Солнца горы отвергли всё живое на долгие годы. Но затем выросли странные деревья, окаймляющие горы кругами. Жрецы называли их «Серебряными абрикосами». Одно из них, — толмач указал на гигантский ствол, возвышающийся метров на пятьдесят над домами, — выросло отдельно, там, где растёт и сейчас. Серебряные абрикосы поднимались высокими и могучими. Шестеро воинов не могли охватить ствол взрослого дерева. Никто не входил в странную рощу. Но однажды великий вождь Мацав Хирум решил доказать остальным касикам своё высочайшее мужество. Он вошёл в рощу с заходом солнца и остался там до восхода, слушая завещание самого старого дерева: «Мы разные. Великаны и карлики, но есть нечто, объединяющее всех. Придёт день — так устроен мир: мы все упадём — и тут

тон повествования внезапно изменился, словно Кумару переводил сказ совсем иного человека, и это будто бы ускользнуло от Перо — не останется в лесу ни одного растения, кроме дерева бессмертия. Ибо оно не умирает, никогда не умрёт. Но неумолимая беда наступит намного раньше — когда в лес придут лесорубы — самонадеянные человечки. Разве под силу им срубить наши мощные тела? Загрустят лесорубы, опустятся у них руки, но один, самый глазастый, заметит дерево бессмертия, растущее в отдалении. Тоненькое, усталое и кривое. В отчаянии набросятся на него. Выплеснут злобное разочарование. Тоненький ствол окажется срублен. Но этого людям окажется мало — они сожгут его, покроют пепелище солью, чтобы на этом месте больше ничего не росло. Время не останавливается. Поры года сменяют друг друга. И годы. Идут дожди, смывая соль. Из-под обожженной земли рано, или поздно является Солнцу росток. Поглядывает росток на себя и радуется: «Я жив, я расту!». Гигантские деревья не разумеют, как такое могло случиться. Ведь убили росток бессмертия, спилили, выкорчевали, сожгли, посыпали солью. Тогда спросят исполины крохотное растение, в чём секрет. Как удалось произрасти вновь? Побег удивится: «Хотите знать тайну? Мне нечего скрывать. Много лет назад, раньше, чем ожило время, кто-то уронил в Землю

семя. Семя, взлелеяв росток, пустило корни. Благодатная земля безропотно приняла их, и они сошлись с первичными, глубинными корнями: «Эй, росток, знаешь кто мы? Нет? Мы — твои предки. Но ты — необычный, особенный, поэтому тебя хотели сразить первым. Знай, когда приходят чёрные дни, нужно припасть к нам, к корням, прирасти и держаться за нас. Мы станем оберегать тебя, пока не схлынет беда. А после, окрепнув, сможешь расти вновь». Смотрят громадные деревья на росток. Спрашивают ещё: «Но скажи — сколько веков назад проросло семя?». Росток отвечал: «Я появился из семени три тысячи триста лет назад».

Старец приостановился, сокрушённо пожевал губами и продолжил:

— Так и мы люди, подобно росткам, знаем, что насладимся нектаром жизни, если останемся со своими корнями. Но если люди забудут, кому обязаны жизнью и оторвутся от них — слабый ветер сумеет сдуть их с насиженных мест. Вот, как вас, испанцев.

При слове «испанцы» босниец востропнулся и приоткрыл глаза. Под монотонную тираду старика, временами прерываемую стонами, его небольшое войско уснуло — всё, включая лошадей. Старик дальше ничего не говорил и, кажется, не собирался. Тишину нарушало гудение мух, привлечённых запахом крови. Привыкшие к жертвоприношениям,

к выпотрошенным туловищам с обрубками конечностей, они нетерпеливо зудели. Дон Далипагич разочарованно фыркнул.

Следующую четверть часа тишину Кордильер возмущали стоны обычно скупого на эмоции туземного жреца. Вскоре старик сдался. Кумару перевёл последние слова горца, спешившего на встречу к своим богам, а сам, подгоняемый уколами шпаги чуть пониже спины, засеменял по едва заметной тропинке.

Дорога снова нескончаемо вилась наверх, и это не нравилось ни людям, ни лошадям, ни надоедливому насекомому.

— Этот мир также уходит в иной мир, — пояснил Кумару, но Перо и бровью не повёл.

Путь вонзался в небеса, словно в покои молний.

Глава 17. Конкиста — Врата, охраняемые созвездиями

В спальню, как молния, ворвался Альберто.

— Она! Это она! — в визг продолжал кричать Хайме, указывая дрожащим пальцем в сторону Тринидад.

Та от неожиданности и страха, прикрыла глаза ладонями.

— Что? Что вы ему сделали? — вскричал

Альберто.

— Это она! Она! — продолжал вопить Хайме Пилар.

Лицо его перекосило ужасом, а глаза выпучились до пределов возможного.

Вскоре профессор, отпив воды, затих и смог внятно объяснить причину смятения. И тогда пришла очередь присутствующих округлять от удивления глаза. Рот испанского доктора Альберто блеснул имплантатами на фоне мрачно тускнеющих клыков Тринидад.

Но прежде неожиданного приключения настал момент, когда Хайме Пилар Пинто решил было вернуться в лоно науки, а затем к законной жене, ожидавшей любимого мужа в одном из престижных пригородов Барселоны. И *bagagana*, законная любовница с белыми ровными зубками, легко отыщется на родине. Если бы не картины прошлого.

Слово «она», так напугавшее Альберто, вовсе не относилось к девушке. Имелась в виду картина маслом на неоштукатуренной стене. Стоило профессору указать на полотно, помощник сразу же догадался о причине переполоха. Точно такое украшало стену в загородном домике Хайме. С холста сквозь очки рассматривал присутствующих свирепый кабальеро в костюме благородного идалго. Семейство Лара, по уверениям Тринидад и

Рудольфо, находившегося в просветлённом состоянии, наследовало портрет из поколения в поколение. Но кто из пращуров, а главное, каким образом приобрёл старинную живопись, припомнить не могли — легенда оказалась утерянной в нагромождении лет. Немного успокоившись, компания собралась за обеденным столом. Недавние переживания пробудили аппетит, и все принялась за подслащённые маисовые лепёшки, запивая их чаем, настоящим на горных травах. Удивлённо рассматривали друг друга, словно встретились впервые. Профессор поймал на себе взгляд Рудольфо. Так свято смотрел бы брат на собрата, случайно узнанного в толпе по приметам, известным братству. Хайме готов был поклясться, останься они наедине, парень скажет что-нибудь вроде:

«Ну что, теперь ты понимаешь, кто из всех нас «тонто», а кто первый из избранных». Профессор ответил бы что-то в духе: «Всего-навсего сказка, придуманная, чтобы скрасить людям боязнь смерти. На самом деле в одиночестве лишь одиночество».

Деликатные Альберто и Тринидад, словно стесняясь своего присутствия, казалось, окаменели. Рудольфо, понимая, что помешать нечему, увлёк профессора за руку к двери.

Доктор Альберто и девочка-ягуар Трини переглянулись. Божья тварь положила

покровительство на человеческую руку, призывая к спокойствию. По щекам Альберто потекли слезинки осознания. Отвести любимого учителя в местный госпиталь или, уменьшив нагрузку на ослабленную память, позволить ему самому решать задачи, заранее поделенные учеником на элементарные этапы? К сожалению, действительность в сознании профессора подменена воспоминаниями о прошлом. Мир для него существует призрачно, второстепенно. Всё его внимание занимали другие картины, и Хайме напоследок взглянул на застывшую парочку, казавшуюся поддельным фоном. Впереди его ждали тигры. Вот и знакомая арка в стене. Хайме двигался уверенно, словно слепой от рождения человек в собственной квартире. Рудольфо шёл впереди. На плече его восседал нерождённый бог:

— Знаешь, Хайме Пилар Пинто, — игриво болтая ножками сказал грозный в будущем Виракоча, — проход в иной мир доступен не всем. Я хочу, чтобы ты осознал это и вспомнил, почему именно для тебя он открыт, — в руках бога появился небольшой нефритовый кругляшок, — здесь твоя родовая память, и ты вспомнишь обратный ход времени. Но не торопись, иначе потеряешь голову.

Вот сельва, и вот её середина. Хайме старался не отставать от Фофо, попутно наблюдая картины

нескончаемых смертей. Несвоевременных и безвременных. Фофо уже оседлал тигров, и Хайме, поспешно усевшись за ним, словно в лодчонке, охватил руками его поясницу, чтобы не упасть. Звери оказались велики и удобны, как собственный «Харлей» ручной сборки.

В одно мгновение переправились через море. Львы узнали Хайме, тряхнули гривами, произведя на свет нагих девушек. Много молчаливых девушек. Некоторые из них принялись за пряжу, остальные, окружив гостей, делили меж собой завитки волос. Зазвучала печальная, состоявшая из гласных звуков, песня. Девушки скользящими движениями нежно распрямляли завитки, постепенно удлиняя их. Когда волосы достигли земли, иные из молчальниц закончили пряжу и принялись облачать людей с длинными до пят волосами в чёрнотканную шерсть пончо. Другие, работавшие с кожей, закончили плести сандалиии. Львы снова встряхнули гривами, на сей раз удовлетворённо, и разошлись в стороны. Движение возбудило в них прилив неизрасходованной слюны, и Хайме с Рудольфо пришлось брести в ней, превращающейся в алмазы, по пояс, но они безудержно прибывали. Врата, охраняемые созвездиями, обнажили лестницу в небо. По ней и начали восхождение, постепенно избавляясь от самоцветов, стискивающих грудь. Выше стало

терпимей, и пролился дождь, и взвились сухие молнии, и ещё немного погода потный ветер понёсся вдогон за вращающимся градом. Затем всё раздробилось, измельчало до блёсток и отодвинулось.

Сквозь прозрачную недоступность проступило лицо усатой матроны. Профессор долго всматривался, пытаясь припомнить, где находится. Почему обнажён, почему справляет нужду в зловонную посудину. Пожилая прислужница обтёрла ягодичы Хайме мокрой, на вид не чистой тряпичей и, брезгливо поджав губы, удалилась.

Помощника профессор отыскал в своём кабинете. Альберто отдавал распоряжения персоналу. Хайме грубо прервал его:

— Что всё это означает? — спросил он, сверля глазами всполошившегося ассистента.

— Дорогой мой... успокойтесь... Нет причин раздражаться, — Альберто аккуратно снял руки профессора с лацканов своего пиджака, и, слегка повысив голос, спросил:

— ведь не исключено, что причина — в бесполезной армии нейронов, погребённых под мусором внеклеточных шлаков?

Альберто, испытующе посмотрев в глаза коллеги, добавил вовсе тихо:

— Или в слипшихся нейрофибриллярных клубках тау-протеинов?

Хайме Пилар Пинто обмяк и грузно опустился в кресло:

— Простите, приятель, я точно не в себе. Но знаете, что, чёрт возьми, меня больше всего интересует сейчас? Не угадаете. Больше всего меня интересует, почему в Кордильерских Андах, на чудовищной высоте, в облюбованном смертью городе, в генетически проклятом семействе Лара, по наследству, вместе с болезнью Альцгеймера, передаётся картина, совершенно идентичная единственной вещи, оставшейся мне в память о родителях. И ты, дорогой коллега, сможешь мне в этом разобраться. Их взгляды, означавшие согласие, сцепились.

Расследованием они увлеклись так, как могут лишь одержимые страстью фанатики. В скором времени в городке не осталось ни единой неопрошенной семьи. Профессор с помощником, отчаянно загоняв автомобиль, посетили все горные деревушки. Собрали, рассортировали и проанализировали до крупницы информацию о родственных связях семьи Лара. Ничего не добившись, разделились. Альберто занялся статистическим анализом в поисках новых, ранее упущенных из виду семейных ветвей. Хайме засел за метрические книги церковных архивов.

В мрачном подвале церквушки, давно потерявшей название, украшенной старинным

холстом Богоматери с младенцем, густо пахло воском, плесенью и забытыми, никому не нужными тайнами. Костлявый, согбенный, дышащий на ладан служка, отвечал без желания и невнятно. Но с каждой новой ассигнацией голос духовного ревнителя становился отчётливее, пока профессор не почувствовал созревшую заинтересованность в происходящем торге. Карусель с документами утомляла, но на чужой территории приходилось принимать навязанные правила. Каждый новый экскурс в прошлое, сопровождался старческим кряхтением, скрипом разохшихся деревянных ступеней и сетованием на катастрофическое состояние Божьего дома. К вечеру бумажник опустел, хотя его учёный владелец успел нащупать генеалогическую протяжённость лишь до середины девятнадцатого века.

Утром Хайме вернулся с подкреплением, с прелестной девочкой-ягуаром Тринидад Лара. Служка умерил запросы, видно, опасаясь быть уличённым в скаредности. Могло быть, и пожалел человека, задававшего одни и те же вопросы по нескольку раз.

Профессор не терял надежды на скорое окончание раскопок. Параноес никогда не страдал от избытка населения, но оборот поколений оказался настолько частым, и почерк церковного хрониста так неразборчив, что поиск отбирал

слишком много драгоценного времени. Благо, Трини не отвлекала — в тусклом свете чернели клыки, взявшие под контроль торг и поиск. Понине несчастные, рождённые с изъяном, умирали в мучениях. Их предков в предыдущие века, как выяснилось, постигала та же участь.

Глава 18. Конкиста — Придержите похоть, сеньоры

Жуткая участь постигла жреца. Его обгорелый труп ещё тлел, когда конкистадоры добрались до цели путешествия. Резервация представляла собой пространство, огороженное частоколом. Забор оберегал нечто, чему боснийский дворянин, вовсе не обделённый умеренным образованием, не сумел бы дать объяснения — даже если бы его пытали немилосердные мусульмане, разорившие родную Боснию. Единственная фраза, вырвавшаяся изо рта командора, потонула в многоголосном гомоне:

— Придержите похоть, сеньоры.

В загоне обитало стадо обнажённых туземок, числом не меньше двухсот. Солдатам почудился рай на грешной земле и, пока их в этом не стали разубеждать, спешно освобождались от доспехов. Изголодавшись вдали от страстных испанских путан молодые, здоровые мужчины отчаянно крестились, умоляя пресвятую Деву Марию не

рассеивать морок. Некое подобие дисциплины, а главное субординации ещё теплилось в них. Они нетерпеливо поглядывали на командора, ожидая вожделенной команды, безоговорочно предоставляя ему первенство в выборе лакомства. Попробуй Перо — хотя такое не могло прийти ему в голову — остановить их, безумное решение наверняка стоило бы ему жизни: пришлось бы противостоять разъярённым, но искусным фехтовальщикам. Сеньор Далипагич не собирался останавливать ни себя, ни солдат — лишь гаркнул внезапно осипшим голосом весёлое:

— Хга-а-а! Господа, знаю забавный трюк! Предлагаю обмыть наших овечек! Вкусим же ниспосланное небом!

Женщины всех возрастов, многие с детьми на руках, испуганно жались друг к дружке. В закрытый, заповедный мир забрела смерть в виде омерзительной боснийской хари в роговых очках.

Их, словно отару, подталкивая тупыми концами копий, загнали в хрустальное озерцо с питьевой водой.

— Ну, что! — дрожа всем телом от вожделения, выкрикнул Перо, — преподадим язычникам урок христианского катехизиса? Покажем им силу настоящего мачо? Умиротворим похотливых сучек?

Ответом ему стал одобрительный рёв солдат,

терявших последний покров человечности.

Туземки, стоя по пояс в ледяной воде, тряслись от холода и ужаса. Командир, окончательно избавившись от остатков одежды, с низким, утробным рычанием, выудил первую жертву. Осмотрел, словно вещь на рынке, развернул спиной, резким движением согнул пополам и грубым, скабрёзным движением вошёл сзади. Далее началось невообразимое. Опьяневшие от скопления доступных женщин, испанцы творили дурное. Сопротивляющимся совали в руки младенцев и они, опасаясь выронить драгоценную ношу, кусая в кровь губы, покорно подчинялись насилию. Перо пользовал четвёртую девку. Но совсем не так, с голодухи, как первую. Основательно, в ритме адажио шарил мозолистой ручищей между ног. Добившись влаги, насаживал маленькое, почти детское тельце на свой окаменевший петагр. Внимательно, без улыбки, смотрел жертве в глаза, с любознательностью учёного наблюдая все стадии процесса — от отвращения, до наслаждения. Нагие туземки пришлись по вкусу.

Старухам, коим на вид было давно за двадцать, конкистадоры рубили головы и кисти рук, неосознанно повторяя туземные жертвоприношения. Но далеким от обрядового смысла — как окружающие проклятое место горы

далеки от пиренейских вершин.

Демон един во множестве лиц. На вершине ада правил свой дьявольский бал Сатана в очках. Ему вторили вершители смерти Люцифер, Вельзевул и Варавва. Кто смог бы отрицать власть Лукавого над людьми? Сверху Всевидящему открываются материки. И видно, как Асмодей, князь роскоши, без труда овладевает душами. Там же Левиафан, демон гордости, собирает себе роскошный урожай. И рядом Белиал, покровитель прорицателей и колдунов, дух небытия, разврата, разрушения, тешит воителей кровавых крестовых походов. Поблизости Авристель, вдохновитель богохульников, выгуливает злаязычную паству. А здесь, в загадочной матриархальной резервации, безмерно властвует Ренфас, «хромой дьявол», плодящий извращения, порождённые буйными фантазиями. Невидимые бесы пожирали плоть наивных туземных божков, пока ещё хранивших несчастную империю инков, коих не коснулось грехопадение Адама. Но то, что происходило внизу, могло отвратить нестойкие души от заповедей Способного видеть материки. Солдаты едва понимали, что творили, белые цветы, залитые кровью, съёживались в слепые бутоны от вида человеческой бесчеловечности. Перо ухватил из озерца следующее дрожащее девичье тельце. Вытащил за волосы, опрокинул на колени и

всмотрелся в лицо. Сдвоенный рык сообщил о лютоści двух тигров. Сдвоенный рёв о свирепости двух львов.

Природа одарила деву всей своей благосклонностью. Длинноволосая, белокожая, с ясными, изумрудного оттенка глазами. Босниец содрогнулся. Очки запотели, он протёр их светлыми прядями волос феи. Поставил диковину на ноги. Сделал шаг назад. Стройная, с крохотной, едва наметившейся грудью, узкой талией, миниатюрными ступнями. Длинные ухоженные ногти. Непривычное отсутствие тёмного треугольника внизу живота. Перо смотрел на это чудо света, постигая, что до сегодняшнего дня не знал женщин. Именно так предстала перед Адамом обнажённая Ева. Босниец весь превратился в гигантский глаз. Высматривал по миллиметру девичье тело, пытаясь отыскать изъян, чтобы, разозлившись, продолжить пиршество. Безуспешно. Лишь взгляд обожания выдавал в ней живого человека. Очки боснийца вновь запотели. Воин походил на зачарованного ребёнка. Он поднял сокровище, уложил на плечи, издав рык, и действие на озере замерло — жертвы перестали трепыхаться, и хищники отступили.

С этого момента всё пошло неправильно. Далипагич приказал своему сброду одеться и почистить одежду. Собственноручно добил

раненых женщин и детей, прекращая мучительные страдания. Острие шпаги тяжело попадало в ухо живого человека, но с лёгкостью выходило из трупа. Затем, удостоверившись в порядке, приказал освящённого воина призвать солдат к «Ave Maria».

Изнасилованные, многократно униженные язычницы, стоявшие по щиколотки в крови своих единокровок, с горечью участи взирали на странное зрелище. Их мучители опускались на колени перед диковинным сооружением: крест-накрест сколоченными кольями, выдернутыми из частокола. Кровавые церемонии расчленения человеческих тел и поедания плоти были привычной умиротворения. Униженные женщины тоже пали на колени. Произошло запретное единение хищников и жертв, явив перед лицом Божиим новую жизнелюбивую расу.

Дон Перо Далипагич, богатый многими качествами, кроме чести, стал нищим. Кумару, высокородный инка, посланный растворить род испанцев в ином племени, ещё жил. Босниец бережно опустил перед ним девушку, её даже во время коленопритворённой молитвы держал на плечах. Тихо спросил:

— Кто она?

— Акла... — так же тихо ответил тот, — ты не всё увидел... время не наступило...

Девушка заговорила. Каждое слово

обращалось в каплю горячей крови, прожигающей ледяную глыбу, сердце боснийца. Когда она закончила речь, Перо стал очеловеченным. Кумару, опершись на руку своего бывшего палача, повлёл его за собой. Недалеко.

Вход в пещеру оказался замаскирован так искусно, что обнаружить бы удалось лишь случайно.

— С тех пор, как ушёл белый человек, а вокруг выросла роща «Серебряных абрикосов», паиса не платили дань Инке Королю Солнце, — произнёс Кумару, переводя слова девушки, оставшейся в резервации под охраной всадников, — сегодня они отдают всё, что накопили, новому белому человеку, похожему на бога смерти Супай.

Затем они спустились на восемнадцать ступеней вниз, минуя равнодушных идолов. Резко запахло разлагающейся плотью. Стены подвала оказались густо запачканными засохшей кровью. Кумару внезапно забеспокоился и отказался идти дальше, пока не приведут Аклу. Перо пожав плечами, послал за девушкой. Та вернулась с зажжённым факелом, словно знала, что за ней придут. Дальше они тронулись втроём, оставив сопровождающих солдат охранять вход от непредвиденного нападения. Акла зажигала очередной факел, оставленный на стене через ровные промежутки пути. На земляном полу, мешая

движению, возвышались пирамиды детских черепов. Но в следующее мгновение Перо перестал сокрушаться о сотнях убиенных младенцев. В голове, сперва издали, затем усиливаясь, мешая соображать, зарокотали зловещие звуки барабана змеиной кожи. Везде, куда падал взгляд, лежало золото. Россыпи золота. Булыжники золота. В человеческий обхват шары с гравировкой. Фигурки животных. Ягуар в натуральную величину. Если не полый внутри, то на него можно приобрести всю Боснию вместе с её продажным правителем. Сотни украшений, нефритовые стержни, несчётные изумруды. Истинная власть сил Тьмы и могущества Демона. Итак, сегодня туземные боги провидения поклонились испанской короне.

Уходя, дон Далипагич, словно в насмешку, одарил разорённое поселение написанной неизвестным мастером картиной Богоматери с младенцем.

Если бы не авторитет и невероятная удачливость командира, обнаружение сокровища могло плохо окончиться для всех. Стоит увидеть горы золота — тут уж каждый сам за себя. Ведь жадность подавляет страх.

Добычу с превеликими трудностями погрузили на три каравеллы. Светопреставление началось, когда океан ещё не полностью поглотил корабли, а берег просматривался достаточно ясно.

Земля содрогнулась так сильно, что стало видно, как с берега в воду падают горы. Три крошечных судёнышка казались приподняты божественной дланью над беззаконием, творившимся вокруг. Они не участвовали в трагедии. Океан вступил в схватку с землёй, настолько яростную, что становилось бесспорным — на сей раз обойдётся без победителей. Волны яростно атаковали берег, и, нанеся, казалось, непоправимые разрушения, отступали под натиском несокрушимой тверди. Мистический страх охватил людей. Они иступленно молились, каждый своим Богом. Небо рассекали зубастые вспышки молний. Начался ливень, беззвучно рыдали гигантские каменные истуканы. Наступила ночь, страшная луной в ореолах трёх колец. Одно цвета крови, второе — чернее тьмы, третье — из дыма. Припадки огненных фемин освещали гигантскую пирамиду, растущую из земли. Песчаные дьяволы рождали вокруг неё бездонные пропасти и ущелья. Насмерть прожаренная почва не принимала влаги и океан завоёвывал новые пространства. Вихри, погоняющие бессчётные тонны воды в поиске жертв, не находили их. Живое кончилось. Лишь последняя, чудовищная стая бабочек держалась высоко в небе, погружая крылья в задымленный ореол луны. Чья-то гигантская рука стучала исполинским молотом по небесному гонгу,

отсчитывая остаток времени выживших. Чёрная влажная тень, не пропускавшая свет, поглотила мир. Так умирали старые боги! И синие воды Тихого океана, и розовый свет утренней зари уносили Аклу вдаль от потерянных мыслей, от обездоленной памяти, подальше от материка, где оставшиеся инки, лишившиеся своих богов, продолжали отчаянно сопротивляться, чтобы в конце концов покориться новым.

На корабле Перо всячески оберегал девушку, не решаясь дотронуться к ней лишней раз. Вождедел он её страстно. Корабельный фрей усердно охранял христианскую добродетель конкистадора, но воину, ослеплённому страстью к девушке, можно сколько угодно угрожать карами. Он станет заверять, что даже не помыслит приблизиться к ней, но попробуйте оставить его наедине с нею в каюте. И что? В первую же ночь на могиле прошлого взрослые два побега, тесно сросшись затем в единый росток. Бренную тишину нарушил отдалённый звон колокола. В вышине прокричал орёл. Паруса каравелл скрылись за горизонтом. По прошествии нескольких месяцев Перо с возлюбленной ступили на землю Кастилии. Он был похож на ребёнка, очарованного игрушкой, не позволяя никому приближаться к ней. Боснийцам наплевать на католические запреты, кровесмешение впитало едва ли не все религии

мира. Но одно дело тешиться с язычницей где-то далеко, на Новой, пока ещё не освящённой Божественным сиянием, Земле. Всё это можно, скрепя сердце, сравнить с ночными забавами в той же Испании: не на кровати — полреала, в кровати — полновесный реал. Совсем иное привить дикую ветвь к генеалогическому дереву старинного христианского рода. И дожидаться плодов.

Как и многие конкистадоры, сеньор Далипагич, был обласкан королевским двором. Было за что. Он быстро разжился землёй и рыцарским званием.

— Папа отпустит нам наши грехи, — шептал новоиспечённый идальго прелестной Акле, находившейся со дня прибытия в некой прострации, — тебя крестят, я подарю тебе свою фамилию, а наши дети станут носить звание идальго пожизненно и гордо. И дети их детей. И бесконечно, навсегда.

Новоиспеченные дворяне поселились в небольшом трёхэтажном домике с патио, размером с резервацию паиса. По периметру патио располагались служебные помещения, салон, кухня, кладовые. Последние этажи оставались нежилыми. Перо решил не выбирать мебель, пока Всевышний не пошлёт наследников. И не было мужчины счастливее его во всей империи в те зимние вечера, когда Акла насыпала в брасерос щедрую порцию

оливковых косточек. Вскоре металлическая жаровня накалялась достаточно, чтобы дон Перо Далипагич мог сладко задремать, блаженно протянув ноги к священному домашнему теплу.

Перо сменил роговую оправу в очках на золотую, высочайшей чистоты и одевался, как благородный господин — в чёрный камзол, на всякий случай, армированный китовым усом, поверх накидка того же достойного цвета. Композицию завершали плащ и шляпа с широкими, вислыми полями. Супруга, сеньора Далипагич, долгое время смущалась роскошью, поэтому ограничивалась простой фламандской юбкой и блузой с корсетом минимальной откровенности. Чтобы ни у кого не возникало сомнения в её скромности, наверх набрасывалась дополнительная накидка, практически скрывающая все прелестные очертания. Косметикой Акла пренебрегала, чем делала огромное одолжение своей природной красоте.

Вскоре родился сын, именем Маркос, в честь капитана, невольно ставшего проводником к семейному счастью. Затем, с коротким промежутком в год, появились на свет две дочки, а за ними снова сын. Перо, казалось, достиг всего, о чём может мечтать дворянин — славы, богатства и любви. Лишь одно обстоятельство слегка омрачало жизнь — Акла порой держала себя странно,

становясь чрезмерно задумчивой. Причём с рождением последующего ребёнка, задумчивость эта перерастала в озабоченность, и даже более того — в тревогу. Настороженно всматриваясь в личико младенца, она пыталась отыскать в нём нечто, известное единственно ей.

Незаметно, как тридцать дней, прошло тридцать лет с того момента, как Перо ступил на берег Нового Света. И грянул гром, по мощи схожий с тем светопреставлением, наблюдаемым с бортов каравелл в день отплытия. Старший сын, Маркос, не вернулся домой, позднее его нашли за несколько миль от города спящим без одежды среди поля. Как туда попал, он рассказать не смог или не пожелал. Вечером сеньора Акла Далипагич пригласила супруга прокатиться в экипаже. Некоторое время она молчала, пока коляска не остановилась в редком по красоте месте, уголке красного песка, украшенного изумрудными россыпями розмарина. Тишину величественно охраняли недоступные каменные холмы, лишённые растительности и влаги. Акла попросила мужа остаться в экипаже и выслушать то, что давно желала сказать, но не осмеливалась:

— Перо, — робко начала она, спрятав личико в мужниных ладонях, — ты знаешь, что я полюбила тебя с того благословенного момента, когда увидела огромного человека, похожего на бога

Сулая, на поводке он вёл знатного инку, словно собачонку. Муж мой, счастье в тебе одном. Мне не нужны юбки по сорок пистолей, драгоценности и горячий шоколад по утрам. Погоди, любимый. Выслушай до конца свою скво, свою жену.

— Всё, что пожелает донья Акла, — Перо, чувствуя жуткость момента, старался казаться истинной любезностью, впрочем, решив заранее — если женщина признается в измене, то он, слегка поколотив её, простит.

— Она лежит в основе жизни... — хриплым, чужим голосом, произнесла Акла.

— Кто? — забыв об обещании выслушать до конца, спросил Перо.

— Смерть.

Перо моментально онемел.

— Племя, в котором я родилась, не обычное. Оно управлялось жрецами на расстоянии. Никому, кроме нас, людей паиса, нельзя ступать на земли «Серебряного абрикоса». Об этом предупреждают всех непрошенных гостей деревья граничной линии, поставленные корнями вверх. Об этом знают все племена и никогда не пересекают границы. За восемь лет до вашего появления в деревню пришли странные женщины, чужие, ничьи. Никто не знал — откуда и почему. Такое не могло быть, но случилось. Я должна была понять и предвидеть нарушение тысячелетних устоев. Люди паиса

страдают страшным недугом. Всех родившихся младенцев осматривают особые жрецы. Мальчиков с изъяном приносят в жертву, помогая Виракоче управлять миром. Человеческая кровь прибавляет Солнцу силы, и оно ежедневно восходит на востоке. Девочек тоже отбирают и отобранных отправляют в резервацию за частокол, где они учатся быть жрицами изъяна. Так продолжалось из поколения в поколение. Верховный Инка не позволял никому покидать запретные земли. Сам же — об этом мне рассказывали, и хотя на моём веку подобного не происходило — время от времени присылал в деревню отряды молодых здоровых воинов.

— Но зачем ты мне всё это рассказываешь? — Перо вновь прервал супругу, и голос его звучал отнюдь не любезно. Он просто ничего не понимал, грубостью прикрывая оторопелость.

— Я одна из этих жриц. Здесь, в Испании, нет людей, знающих секреты отбора младенцев с изъяном. Возможно, кто-то из наших детей...

— Ты имеешь в виду Маркоса? — вскричал Перо.

— Да, любимый. Вчера проявился один из признаков заболевания. Слишком рано, но сомнений нет, Маркос человек с изъяном.

— Мы отправляемся в Анды, — мрачно, будто чеканя каждое слово, продекламировал Перо, — отыщем жрецов и узнаем судьбу наших